

Александр
ПРОЗОРОВ

Ариец

Новый цикл от создателя «Ведуна»!

Власть любви

Александр Дмитриевич Прозоров

Власть любви

Серия «Ариец», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24721183

А. Д. Прозоров. Власть любви: ООО «Издательство «Э»; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-98813-6

Аннотация

По воле могучего бога Волоса зачарованный кречет выбрал из нашего мира пятерых прямых наследников всемогущего Сварога, самых сильных и умелых, и перенес их в девятый век до нашей эры, в котором бушует война славян со скифами и оборотнями. Боги прошлого надеются, что далекие потомки помогут им достичь победы над врагом. Но что сможет изменить в жестоком мире неолита юная ведьма Светлана, умеющая лишь варить приворотное зелье, освящать семейные узы да заглядывать в будущее через текущую воду?

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Родовая ведьма	12
Бабушкино платье	12
Городская ведьма	34
Настоящая жизнь	78
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Александр Прозоров

Власть любви

© Прозоров А. Д., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

Влажная весенняя степь алела тюльпанами от горизонта до горизонта, словно залитая до краев свежей, еще живой кровью. И так же, как кровь, она пахла паром, слабой кислоткой и сладостью.

Сию раскинувшуюся под голубым небом красоту обозревали с высоты городской стены пятеро мужчин: двое молодых воинов – коротко стриженные, с куцыми еще, рыжими бородками, одетые в замшевые куртки и штаны, опоясанные широкими поясами, с которых свисали в веревочных петлях боевые палицы с каменным навершием и неизменные для скифов бронзовые ножи; двое воинов пожилых, с обветренными морщинистыми лицами, седовласых и седобородых, в запахнутых кожаных плащах, изрядно уже истертых и потерявших цвет, а также широкоплечий плечистый паренек, ростом едва достающий до плеч своих товарищей, однако облаченный в меховую накидку с широкой куньей оторочкой и островерхую кожаную шапку, украшенную над лбом крупным рубином в золотой оправе. Золотой была также и фибула, застегивающая ворот его плаща.

– У меня плохое предчувствие, братья, – пробормотал коротышка, оглядывая бескрайнее тюльпанное поле. – Я не чувствую дальних сторожевых оберегов. Словно бы кони стоптали нанесенные на землю защитные руны. Причем сра-

зу все.

— Так ведь весна, великий, — пожал плечами один из молодых воинов. — Все сырое, все течет и расползается. Вестимо, они просто размокли.

— Сразу все? — недоверчиво отозвался левый седобородый воин.

— А что еще может случиться, воевода? — оглянулся на него молодой. — Про беглых рабов вестей не приходило, окрестные роды за зиму на диво ни разу не ссорились. Чужаки же возле наших мастерских и вовсе никогда не появляются. Сюда даже варяги со своей солью, и то отродясь не добирались.

— Все когда-нибудь случается в первый раз, — хмуро изрек воевода.

Недоверчиво усмехнулись сразу все. Ибо небольшой город медеплавильщиков стоял слишком далеко от лесов с чужими народами, от торных рек с тяжело груженными стругами, от иных привычных смертным людям путей. Так же, как все прочие города великого скифского Аркаима, этот был построен не там, где удобно жить или путешествовать, а там, где удобно работать — возле одного из глубоких медных рудников. И сама его конструкция предназначалась не столько для сносного обитания или обороны, сколько для выплавки меди или бронзы. Твердыня состояла из двух высоких земляных валов, насыпанных кольцами и отстоящих один от другого всего на двадцать шагов. От одной насыпи к другой бы-

ли перекинуты бревна, что создавали огромную общую крышу, засыпанную для тепла толстым слоем дерна. Когда-то по краю стоял тын, но за пару поколений он полностью сгнил, так ни разу и не понадобившись, и потому более не восстанавливался.

Ныне поселение выглядело снаружи как самый обычный, густо поросший травой холм, но внутри его, во многих десятках загоронок, круглый год жарко полыхали горны, сотнями пожирая возки дров и руды, черпая воду из глубоких колодцев, и круглый год лучшие мастера скифского народа отливали в закопченные формы котлы, подносы и украшения, ножи и топоры, застежки и жаровни...

– Смотрите!!! – внезапно вытянул руку правый пожилой воин.

Через тюльпаны, раздвигая ногами бордовые бутоны, не спеша шествовала юная русоволосая девушка в легком замшевом сарафане, опоясанная простой веревкой, которую оттягивала лишь сплетенная из листьев рогоза сумка. Голову незнакомки украшал венок из полевых цветов, а запястье – браслет из разноцветных нитей.

– Откуда она взялась? – в недоумении переглянулись молодые скифы. – Ведь только что никого не было!

– Так вот почему молчат все мои обереги... – прищурившись, пробормотал коротышка. – Похоже, нас навестила одна из богинь.

– Богиня?! – Воины с любопытством вытянули шеи. – Кто

такая, из какого народа?

– Полагаю, сейчас она сама нам о сем поведаст, – спокойно ответил их низкорослый повелитель и сделал шаг вперед.

– Прикажешь призвать на стены отдыхающую стражу, великий? – с тревогой спросил пожилой воевода.

– К чему? – пожал плечами коротышка. – Пусть спят. Им еще рабов ночью караулить. С одинокой гостьей я как-нибудь справлюсь.

– А если она не одна? – Воевода нащупал на груди защитный амулет, сжал его в кулаке. Повел взглядом по сторонам. – Вроде как шуршит кто-то в цветах?

– Зверей каких-то девка спугнула, – презрительно хмыкнул молодой скиф. – Только и всего.

Гостья наконец-то пересекла окружающее город поле, остановилась возле земляной стены и громко объявила:

– Спустите лестницы, скифы, и выходите в поле! Тогда вы все сохраните жизнь, а ваши семьи останутся неразлучными.

– Кто ты такая? – неуклюже приковылял к краю стены коротышка.

– Спустите лестницы, и я не стану никого убивать! – повторила свое требование девушка.

– Ты хоть знаешь, с кем говоришь, несчастная? – холодно поинтересовался низкорослый скиф.

– Полагаю, ты один из злосчастных детей богини Табити? – чуть склонила голову набок гостья. – Уж не желаешь ли ты обратить меня в камень? Полагаешь, получится?

– Против дара великой прародительницы скифов бессильны даже боги, дерзкая девка! – предупредил коротышка. – Коли ты желаешь пережить этот день, тебе лучше меня не сердить. Поэтому стой смирно и отвечай на мои вопросы. Кто ты такая и чего тебе надобно возле моего города?

– Все очень просто, о великий сын змееногой богини Табити! Я разгадала секрет всемогущества скифского народа! – развела руками юная гостья. – Ваш секрет вовсе не в тучных стадах и бескрайних степях, о великий, ибо здешние земли скудны. Здешние вольные просторы неспособны прокормить даже одну семью, и потому степняки вынуждены проводить жизнь в скитаниях, путешествуя вслед за своими поедаящими траву табунами и отарами. Но как бы вы ни старались, все равно скот не может дать своим хозяевам ничего, кроме шкур и мяса. Ваш секрет вовсе не в могуществе великой Табити, умеющей ходить сквозь священный огонь на любые расстояния, обращать живые существа в камень и даровать отнятую жизнь обратно. Секрет величия вашего народа спрятан здесь, в аркаимских городах и шахтах. Именно здесь вы добываете драгоценную бронзу, каковая потом обращается в котлы, украшения и жаровни. Здесь вы добываете чудесный металл, на который вымениваете себе хлеб и ткани, самоцветы и соль, дерево и нефрит. Именно здесь, в медных рудниках, бьется истинное сердце степей!

– И зачем ты рассказываешь мне все это, несчастная? – скривился коротышка.

– Неужели непонятно? – звонко рассмеялась неведомая богиня. – Я отвлекаю ваше внимание.

– Что-о?! – Скифы оглянулись и увидели десятки волков, рысей и медведей, бегущих к ним уже по земляной крыше города. Лесным и степным зверям не составило труда бесшумно пробраться сквозь сочные высокие травы и стремительно подняться наверх по земляным стенам. Стоило только страже отвернуться, посмотреть пару минут в другом направлении... И все, сопротивляться стало поздно.

Девушка резко вскинула руку, и из-за ее спины выступили четверо лучников. Почти одновременно тренькнули четыре тетивы, и четыре стрелы с острыми кремниевыми наконечниками вонзились низкорослому потомку Табити в спину и правый бок. А еще через миг – еще четыре.

Правитель города молча рухнул, остальные скифы выдернули из поясных петель оружие. Однако кидаться вчетвером на многочисленную звериную стаю не торопились. Уж очень неожиданным и непривычным оказался их враг. Звери тоже не нападали – лишь скалили зубы и угрожающе рычали. Медведи окружили черные зевы люков, росомахи, водя носами, бегали по плоской вершине рукотворного холма, волки, угрожающе вздыбив шерсть, плотно окружали четверых воинов.

Заминка длилась совсем недолго – по земляному склону вскарабкались наверх несколько мужчин в меховых одеждах, взялись за лежащую у края стены жердяную лестницу в два

шага шириной, толкнули через опорное бревно вниз. И после этого на крышу не имеющего ворот города забежали уже десятки крепких воинов с палицами и топорами в руках.

Одной из последних наверх поднялась девушка в венке, пробралась через стаю вперед, к скифам.

– Как я уже говорила, – ласково сообщила она, – мне не хочется никого убивать. Бросьте оружие, дети степей, и вы останетесь живы.

Четверо воинов переглянулись. Один из пожилых тихо выругался и уронил палицу себе под ноги. Остальные скифы последовали его примеру.

– Вот и славно, мудрые воины, – облегченно вздохнула гостья. – Мы опять обошлись без крови. Весар, неси сюда зеркало!

Часть первая. Родовая ведьма

Бабушкино платье

Как положено настоящей сказочной истории, эта началась в ночь перед Рождеством, в занесенной снегом деревеньке, притаившейся неподалеку от Валдая, на узеньком шоссе, ведущем от старой московской трассы к древнему, как валдайские ледниковые морены, городу Удомле. И пускай ныне в не менее старинной Озеровке большинство домов принадлежали не крестьянам, а московским дачникам, пускай в каждой избе горели не лучины, а яркие электрические огни, пускай на деревьях и заборах перемигивались светодиодные гирлянды, пусть во дворах отдыхали ныне не лошади и коровы, а джипы и кроссоверы, пусть в горницах пылали каминны, а не печные топки, пусть в окнах сверкали стеклопакеты, а не белело промасленное полотно, однако избы оставались все теми же несокрушимыми бревенчатыми громадинами, каковые стояли здесь не первый век и надежно укрывали от невзгод и морозов многие поколения русских людей. Как было и многие века назад, на улице сверкал в лунном свете такой же снег, что видели деды, прадеды и прапрадеды здешних обитателей, мела такая же поземка, перемигивались те же звезды, и потому нынешняя праздничная ночь была для

смертных столь же завораживающей и магической, как сто, и двести, и тысячу лет назад.

Именно с этим рождественским настроением Светлана, приехавшая вместе с родителями в старый деревенский дом, ныне именуемый «дачей», и подняла крышку старого бабушкиного сундука. Ибо приближалось время святок, и девушке хотелось найти какую-нибудь старинную одежду, дабы завтра поутру удивить соседей необычным нарядом.

Вполне современная восемнадцатилетняя красotka – возможно, чуть крупноватая, но зато с яркими голубыми глазами, длинными каштановыми волосами и мягкими чертами лица, Света не отличалась суеверностью. Трудно обрести религиозность, будучи студенткой фармакологического института и на протяжении двух лет рассматривая человека как большую банку с химреактивами. Однако бокал шампанского, смех катающихся с горки детей, звон колоколов, хрустящий под ногами наст, полная Луна и звездное небо и само осознание наступающего праздника сыграли свою роль – Света поддалась общему рождественскому наваждению. Ей захотелось избавиться от джинсов и пуховика, вязаной шапочки и наушников и стать той сударушкой, каких рисуют на лубочных картинках: розовощекой и веселой, в пуховом платке, полушубке и в сарафане с пышными юбками.

А еще родовая память подсказала ей про вывернутые мехом наружу тулупы, маски с рогами, гудки и бубны, про горки и санки, конфеты и пироги, про гулянья и гадания, пят-

нашки и снежки и прочие деревенские развлечения, испокон веков творящиеся в здешних лесах между Рождеством и Крещением.

Все это, вместе взятое, и привело студентку-фармацевта на чердак, к старым, серым и пыльным сундукам.

Здесь, наверху, до сих пор ощутимо веяло девятнадцатым веком. Чердак, засыпанный уже порядком перепревшей, но все еще вполне узнаваемой соломой, с кровлей не из балок или лаг, а из самых обыкновенных, грубо ошкуренных сосновых бревен, сверху застеленных жердями, среди которых топорщились края древней дражки...

Ремонтируя крышу десяток лет назад, родители Светы не стали ее разбирать, а просто кинули новую кровлю поверх старой, отчего над домом стало заметно теплее.

И само собой, здесь до сих пор не имелось никакой проводки и никаких лампочек, так что подсвечивать себе девушке пришлось смартфоном.

Поднявшись наверх по приставной лестнице, студентка, осторожно ступая на ломкие желтые стебли, медленно прошла между старой радиолой и телевизором, перешагнула катушечный магнитофон с большими колонками, затем пробралась между рамами железной кровати, остановилась возле трех огромных ящиков с обитыми толстыми медными полосами углами, отерла ладонью полукруглую крышку ближнего, повернула торчащий из замочной скважины ключ, потянула вверх металлическую рукоять.

Изнутри, на удивление, пахнуло лавандой, а вовсе не плесенью или затхлостью, как этого ожидала Светлана. Хранящиеся внутри сокровища тоже выглядели свежими и нарядными: сложенные ровными стопками белоснежные кружевные подзоры и рушники, вышитые наволочки, скатерти, занавески и пододеяльники, а рядом – платки, юбки, чулки, сорочки.

Заметив среди всего этого добра полосы серого вельвета, девушка потянула ткань к себе, и неожиданно в ее руках развернулось длинное платье с разноцветной бисерной вышивкой, золотистым шелковым поясом и сандаловыми палочками вместо пуговиц.

– Ого! – Света встряхнула находку, окинула придирчивым взглядом. – Очень даже нехило... Вечерним платьем не назовешь, но в театр или на концерт в нем хоть сегодня можно отправляться!

Перекинув добычу через плечо, девушка еще несколько минут перебирала вещи, после чего выбрала две сорочки и все юбки, свернула их под мышку, закрыла тяжелую крышку сундука и повернула ключ в замке.

Спустившись в свою комнату, Светлана разложила «обновки» на тахте, еще раз придирчиво все осмотрела и даже обнюхала, после чего решительно разделась донага и через голову натянула сорочку с кружевами у ворота. Затем надела одну за другой все юбки – откуда-то из подсознания она еще помнила, что зимой их чем больше, тем лучше. С одной сто-

роны, теплее, с другой – «пачка» намного пышнее смотрится. И поэтому в платье девушка влезла только после того, как нацепила себе на пояс целых пять сатиновых «исподниц». Оправила тяжелую ткань, затянула пояс, застегнула палочки-пуговицы на левом плече. Повернулась к стоящему в углу возле окна порядком облупившемуся трельяжу и вскрикнула от неожиданности! Из-за стекла на нее смотрела тонкогубая, улыбчивая и совершенно седая старушенция, на лице которой даже морщинки складывались в веселое выражение.

– Что... Что со мной такое?! – испуганно вскинула ладони к лицу студентка. – Я состарилась?! Как это случилось?!

– Зачем же ты так пугаешься, милая? – удивилось ее отражение. – Не чужая ведь тетка явилась тебе, Светик мой ясный, а родная бабушка. Нешто я тебе зло какое хоть когда причиняла?

Девушка замерла, вглядываясь в стекло, подошла чуть ближе. В душе ее колыхнулось воспоминание о теплых ласковых руках, напевных сказках, пирогах с черникой и густой, словно плавленый сыр, чуть желтоватой сметане.

Чарующее дыхание далекого беззаботного детства...

– Вот мы наконец-то и встретились, внученька, – произнесла пожилая женщина.

– Бабушка? – неуверенно произнесла Светлана, подходя к зеркалу еще на пару шагов. – Но как это может быть?

– Я не дождалась, когда ты вырастешь, мой ясный лучик, – светлые губы старушки тронула слабая улыбка. – Воспитать

тебя как надобно мне не удалось. Посему я заговорила сие праздничное платье. Когда оно стало тебе впору, оно меня разбудило.

– Но как?! – все еще не понимала девушка. – Бабушка, ты же...

– Умерла, – закончила за внучку, запнувшуюся на полупразе, старушка. – Ничего страшного, Светик. К счастью, моя милая, для нас с тобой смерть не так страшна, как для прочих, обычных людей.

– Это... Это какой-то розыгрыш, да? Это экран? – Девушка протянула руку, коснувшись пальцами холодного стекла.

– Все намного сложнее, милая, – наложила ладонь со своей стороны старушка. – Это зеркало, Светлана. У женщин нашего рода с зеркалами своя, особенная связь. Они даруют нам куда больше силы и возможностей, нежели ты способна даже вообразить. К сожалению, не всем. Твоя матушка сего дара оказалась лишена. Зато ты с самого рождения светишься могуществом.

Девушка хмыкнула, прикрыла одну из створок трельяжа, заглянула за него. Не заметив никаких проводов, опустилась на колени, заглянула снизу. Затем по очереди выдвинула все три ящика подставки.

– Давай, внученька, я тебе помогу, – предложила из зеркала одетая в вельветовое платье с пышной юбкой старушка. – Вместо того чтобы хитрости в сем зеркале искать, ты лучше сходи в кладовку, да выбери тазик какой-нибудь, и

три свечи с собой прихвати. Да спички не забудь. И со всем этим добром в баню али иное место уютное ступай. Там, наедине оставшись, набери воды в тазик, опосля свечи вокруг него запали. Над тазиком наклонись, и как вода успокоится и отражение свое ты увидишь, то меня и позови. Сказывай. «Приди, бабуля милая! На меня посмотри, со мною поговори, советом мудрым порадуй!»

Старушка в зеркале подмигнула внучке, хлопнула в ладоши – и вместо нее в стекле отразилась сама Светлана.

– Ни хрена себе... – пробормотала девушка, глядя на длинноволосую красавицу в платье с бисерной вышивкой. Розовощекую, пышногрудую, молодую и статную...

Однако настроение любоваться нарядами у студентки уже испарилось. Девушку куда больше интересовало, кто и что затеял с ее зеркалом.

– Хотите поиграть? – хмыкнула Света. – Ладно, давайте посмотрим, что вы там придумали и как собрались выкручиваться...

Кто именно затеял столь хитрый розыгрыш, студентка старалась не думать. Ибо ни единого вундеркинда, способного на столь сложные фокусы, среди ее знакомых не имелось.

– Ладно-ладно, – пробормотала она, резко разворачиваясь к двери. – Только все это я сделаю по-своему.

Забрав в кладовке круглый пластиковый тазик и свечи, девушка затолкала их на чердак, после чего сходила за спич-

ками, взяла пластиковую канистру с водой, забралась с нею наверх.

В стоящей у реки бане – в ночь перед Рождеством было холодно, как в морозилке; до нее идти далеко, темно, и переодеваться в уличную одежду Свете совсем не хотелось. К тому же если с нею играли, то ловушку неведомые шутники готовили именно там, в бане. Зачем же вот так запросто помогать своим противникам?

Подсвечивая себе смартфоном, девушка поставила тазик на радиолу. Подогрев свечные пятки спичкой, приклеила стеариновые палочки по сторонам и напротив себя, зажгла. Спрятала телефон в карман и не спеша перелила воду из канистры. По тазу побежали мелкие волны, и еще до того, как вода успокоилась, девушка щелкнула пальцами:

– Бабуля, покажись, советом поделись!

– У тебя так плохо с памятью, внученька, али ты меня подразнить задумала? – прозвучало откуда-то снизу.

– О-о черт! – взвизгнув, подпрыгнула Светлана, и по тазу опять побежали мелкие волны.

– Не поминай, нечистого, малышка, не то появится, – посоветовал голос. – Особливо при твоём-то даре!

– Черт! Где ты, кто ты?! – закрутилась девушка.

– Вода для нас не менее важна, нежели зеркала, внученька, – услышала в ответ Светлана. – В твердых зеркалах мы видим реальность, видим путь или самих себя, в зыбкой воде мы способны увидеть несуществующее, прошлое или буду-

щее. Попробуй, моя малышка. Загляни в будущее. Недалеко, всего на день. Разве тебе не интересно? Всего лишь в завтра.

– Я... Я не умею, бабушка, – вскинула глаза к потолку девушка.

– Умеешь, милая, умеешь, – отозвался голос. – Ты же смогла вызвать сюда меня!

– Ты меня научила!

– Нет, внученька, я учила тебя совсем другим словам. Но ты сделала по-своему, и у тебя получилось. Это потому, что важны не слова. Слова лишь помогают настроиться на нужный лад. Важно желание, состояние души. Ты захотела меня призвать, и ты этого добилась. А что ты при этом говорила, не имеет значения, – пояснил бабушкин голос. – Теперь пожелай увидеть завтрашний день. Закрой глаза и представь себе яркий солнечный день, что случится ровно через сутки, представь своих родителей и все, что есть вокруг них. Пожелай! Ты сможешь, просто пожелай! А теперь опусти голову и посмотри в таз.

Светлана послушалась и, к собственному изумлению, увидела вместо тазика светлый круг, в котором на заснеженном фоне шли руку об руку мужчина и женщина...

– Где это они, бабушка? Почему у мамы синяк под глазом?

– Ты смогла заглянуть с первой попытки, моя малышка? – удивился голос. – Я мучилась больше месяца, и бабушка постоянно давала мне наставления. Воистину, мой Светик, ты прирожденная чародейка!

– Но почему у мамы синяк?

– Ты ведьма, ты и разбирайся.

– Я не ведьма, бабушка!

– Уже да, моя малышка! – голос рассмеялся, и наступила тишина.

– Бабушка! – притопнула ногой Светлана, и огни свечей внезапно полыхнули тремя алыми шарами, тут же опали, а вместо яркого дня в дрожащей воде сгустилась чернота. Возникшая рябь погасла, поверхность выровнялась, и в ней появилось лицо седовласой женщины.

– У тебя с первого дня все получается куда лучше, нежели у меня к закату дней, внушка. Я тобой горжусь.

– Ты занималась колдовством, бабушка? – опустила пальцы на края тазика девушка.

– Разве ты не знала? – мелко дрогнула поверхность воды. – От тебя сие скрывали?

Светлана надолго задумалась, потом усмехнулась.

– Я просто не верила, бабушка, – покачала она головой. – Думала, мама рассказывает сказки. Придумывает про тебя всякие невероятные небылицы.

– Да, малышка, все так, – согласилось колышущееся в тазике отражение. – Когда я умерла, тебе только-только исполнилось двенадцать. Слишком рано для пробуждения.

– Но если ты умерла, с кем я сейчас разговариваю, бабушка?

– Разве ты не заметила, милая? Ты говоришь с водой в

тазике!

Света засмеялась и распрямилась. Зачем-то отерла уголки глаз.

— Когда я поняла, что дожждаться твоего взросления не получится, моя девочка, то наложила заклинание на это платье. Можно считать, спрятала в него свою душу. Но так сразу это трудно объяснить. Ведь ты еще ничего не знаешь и не умеешь.

— Получается, ты была волшебницей, бабушка? Самой настоящей?

— Наверное, да, моя милая, — согласилось отражение.

— Могла превращать царевен в лягушек, строить избушки на курьих ножках, разговаривать с птицами и создавать самоцветы из елочных шишек?

— Не знаю, мой маленький лучик, о подобном меня никто и никогда не просил, — ответила старая ведьма. — Обычно умоляли вернуть мужей, сделать приворот, сжить со света разлучницу, заговорить родовую порчу, изменить судьбу, одарить красотой или отвадить опостылевшего любовника.

— И ты это делала? Привороты, порчу, красоту?

— Это в нашем деле самое простое, внученька. Я тебя научу.

— Разве это возможно, бабушка? Приворожить любовь, наговорить красоту?

— Даже не знаю, как тебе ответить, милая... — задумалась старая ведьма. — Положим, так... У твоих папы с мамой все

хорошо? Живут душа в душу, друг другом не налюбуются? Ни размолвок, ни сцен ревности не случается?

– Ты делала маме приворот?! – чуть не в полный голос спросила Света. – Наколдовала ей судьбу?

– Кто знает, милая, кто знает? – вода пошла рябью, и отражение исчезло, а голос ведьмы превратился в слабый шепот: – Может, наколдовала... А может, им просто повезло...

– Света, ты где?! – послышался снизу громкий вопрос. – Куда ты пропала, дочка?! Иди ужинать!

Девушка пару мгновений поколебалась, потом быстро потушила свечи и стала спускаться вниз.

Вскоре она оказалась в просторной, залитой светом горнице – обшитой вагонкой, с ламинатом на полу и стеклопакетами в окнах, со светодиодными лентами на потолке и телевизором в красном углу. Единственной деталью, напоминающей о древности дома, была большая русская печь, разделяющая собою две комнаты. Причем как было сто лет назад – печь стояла хорошо протопленной, горячей, щедро делясь своим жаром с жилой частью избы.

– Где же ты ходишь, дочка?! – Одетый в клетчатый свитер крупной вязки, бритый наголо мужчина с весомым, «авторитетным» животиком приглашающе замахал руками. – Давай, садись! Жаркое остывает, холодец греется. Первая звезда уже давно загорелась, пора разговляться!

– Занимайте места, я несу утку в капусте! – предупредила забегающая со стороны кухни женщина. – Садитесь к столу,

можно открывать шампанское. Сейчас начнется трансляция крестного хода.

– Папа, мама, а мы что, вдруг стали искренними христианами? – с ехидством поинтересовалась Светлана.

– Коли есть законный повод выпить, то мы всегда хоть христиане, хоть коммунисты, хоть мусульмане с язычниками, – охотно ответил мужчина, скручивая фольгу с горлышка. – Было бы торжество хорошее!

Девушка села к праздничному столу, рядом опустилась женщина, тоже в свитере-водолазке и в просторной цветастой юбке. Ее волосы, гладкие, с завитками на кончиках, на удивление совпадали с подзабытой модой из эпохи восьмидесятых.

– Ого! Да это же бабушкино платье! Дочка, где ты его взяла? – отодвинула стул хозяйка.

И тут грохнуло шампанское! Пробка гулко ударила в потолок, срикошетировала и стремительно щелкнула женщине в глаз. Хозяйка вскрикнула, вскинув ладони к лицу, муж и дочка кинулись к ней.

– Мама, ты как?!

– Глаз, кажется, на месте, – моргнула женщина. – Кеша, если будет синяк, я всем расскажу, что это ты так с женой обращаешься!

– Нужно лед приложить, – предложила Света.

– Да где его тут возьмешь? У нас же холодильник выключен.

– Папа, зима на дворе, – напомнила девушка. – Снега зачерпни.

– Вот лопух! – Хлопнув себя по лбу, мужчина сорвался с места и вскоре вернулся с полными горстями рыхлого белого холода. Женщина набрала его в ладонь, приложила к ушибленному глазу. Недовольно пробормотала:

– Это все из-за языка твоего, богохульник бессовестный! Как гадость про бога сказал, так сразу кару и получил.

– Если это кара за мои слова, почему пробкой получила ты, а не я? – Мужчина вытер полотенцем влажные от снега руки.

– Чтобы вместо одного удара в глаз ты получил три скалкой по голове, – ответила пострадавшая. Отняла ладонь со снегом от лица, прижала снова и предложила: – Ты хоть шампанского налей, что ли! Иначе ради чего я так страдаю?

– Да, милая, сейчас, – спохватился Иннокентий, разлил вино, подал бокал супруге в руку. – Ну что, Христос воскрес?

– Тебе что, одной пробки в глаз мало? – усмехнулась женщина. – Не воскрес, а родился!

– Тогда за что нужно пить? За день рождения или там какой-то свой тост имеется?

– За первую звезду! – предложила Светлана, и этот тост понравился всем.

– За первую звезду! – торжественно чокнулись ее родители.

Они выпили.

– Сейчас добавим торжественности... – взялся за пульт мужчина. Телевизор послушно включился, и черный экран покрылся пиксельной рябью. Иннокентий постучал пальцем по клавишам, тихо ругнулся себе под нос: – Кажется, на антенне опять разъем выскочил. Сейчас сделаю...

Мужчина поднялся, вышел в сени. Вскоре громко хлопнула входная дверь. Женщина поднялась, открыла окно, выбросила наружу изрядно подтаявший снежок, отошла к старенькой зеркальной горке, вгляделась в отражение.

– Шутки-шутками, но синяк, похоже, все-таки будет, – пробормотала она. – Вот уж свезло, так свезло! Один шанс на миллион.

– Мама, а это правда, что ты отца колдовством приворожила? – неожиданно спросила Света.

– Кто тебе сказал? – резко оглянулась женщина.

Девушка пожала плечами.

Ее мама снова посмотрела на себя в зеркало. Слабо улыбнулась.

– Кто его знает? Бабка твоя, может слышала, ведьмой известной слыла. Мне же Кешка в сердце запал, прямо хоть волком вой. Он в институте красавчиком был, модным, заводным, курчавым, на гитаре играл. Половина группы по нему с ума сходила. Вот я к родительнице своей и пришла. Она мне бутылку пепси-колы на приворот заговорила, но сказала, что молодец должен всю до капли выпить, иначе не

подействует. А как этого добиться? Ну, я набралась храбрости, явилась в его компанию да как бы случайно и спросила: знают ли они, что бутылку «пепси» залпом выпить невозможно, поперхнешься? Мальчишки, понятно, не поверили, тут я Кеше спор и предложила. Если сможет залпом до дна выпить, с меня поцелуй. А не сможет, должен мое желание выполнить. Как сейчас помню, что еще и взболтала бутылку хорошенько, чтобы труднее получилось... В общем, выпил молодец все, до последней капли. И пришлось мне его честно поцеловать... – Женщина тихо засмеялась воспоминанию, покачала головой. – Он меня потом спросил из любопытства, а какое у меня было желание? Я сказала, что на лошадях покататься. И твой папа меня через день на это самое катание пригласил... Ну, и пошло-поехало... В общем, приворот так подействовал или просто само собой все сложилось, откуда я знаю? Мы ведь только через полтора года поженились!

– А больше ты бабушку колдовать на папу не просила?

– Чего это на тебя сегодня нашло, доченька? – вернулась к столу женщина. – Святочных рассказов читалась?

– Просто интересно, – дотянулась до бокала с остатками шампанского девушка. – Про бабулю сегодня кое-что услышала.

– Если честно, то бывали моменты, – неожиданно призналась хозяйка. – И притерлись не сразу, и привык Кеша с юности к бабьему обожанию. Как бы это сказать... Начинал

иногда на сторону поглядывать. В общем, бегала я к матушке несколько раз. Давала она мне и амулеты от измены, и заговоры кое-какие подсказала, и зелье, и на словах тоже кое-что посоветовала.

– Помогло?

– Как видишь, папку твоего из дома выгонять не пришлось! – рассмеялась женщина.

– И чего она тебе посоветовала?

– Меняться, – пожалла плечами хозяйка. – Сказала, что мужики, сволочи, разнообразие любят. И если я не хочу, чтобы он искал чего нового на стороне, то должна сделать так, чтобы сюрпризы и неожиданности встречали его дома. Подсказала время от времени преображаться до неузнаваемости. Менять прически, макияж, цвет волос. И одежду, весь стиль полностью. Стать деловой женщиной в строгом костюме, а когда привыкать начнет – перекинуться вдруг беззаботной разгульной цыганкой. А потом стать спортивной девицей, коротко стриженной и темноволосой, в джинсовом прикиде, а через месяцок встретить вдруг мужа домашней рыжей и розовощекой хлопотуньей в свободном платье... В общем, пусть он дома иногда с отвисшей челюстью посидит и на свою жену, как на незнакомку, посмотрит. Соблазнит и в постель затащит.

– Интересно, почему это ты должна стараться и из кожи вон лезть, а он только удовольствие получать?! – возмутилась Светлана.

– Вот именно так я бабке твоей и сказала! – обрадовалась единомышленнице женщина. – Однако знаешь, что мне тогда бабуля ответила? «Коли силы и старания каждый день не прикладывать, то не то что семьи, дворцы в считанные годы разваливаются. Ты уж сама решай, надобно тебе любовь свою в свежести и первозданности сохранять али нет? Коли тебе все равно уже стало, так и говорить тогда не о чем».

– И что ты?

– Я решила, что семья мне еще пригодится, – подмигнув дочери, поправила ретролоконы хозяйка. – К тому же это оказалось довольно весело. Да и Кешка после каждого моего преображения тоже... Как после первого свидания становится... Ой, кажется, наш папа идет!

И женщина многозначительно прижала палец к – губам.

* * *

В свою комнату Светлана вернулась только после полуночи. И – после пяти бокалов шампанского. В хорошем настроении она крутанулась перед зеркалом и погрозила отражению пальцем:

– Все это вранье, бабушка! Нет никакого колдовства, эта была чистая психология! Мама со своей бутылкой пепси-колы просто обратила на себя внимание, выделилась из всех прочих подружек. Потому папа ее и запомнил. Красивая, неординарная девушка. Познакомился ближе, а дальше все

и сложилось. И с сохранением семьи то же самое. Этой своей игрой мама сделала домашнюю жизнь интереснее, нежели приключения на стороне. Обычная семейная психотерапия!

– Ты полагаешь, девочка, если дать колдовству иные названия, оно исчезнет? – Девушка и не заметила, в какой миг зеркало подменило ее отражение на добродушную старушку. – Думаешь, если чародейство называть гипнозом, внушением, терапией, психологией или галлюцинацией, то оно внезапно исчезнет и превратится в некую обыденность? Напрасно стараешься, мой лучик! Как ты магию нашу ни называй, она всегда и везде останется колдовством. Нашим с тобой даром менять мир вокруг себя, менять людей и их судьбы.

– Если бы ты тогда просто объяснила маме, что нужно вести себя решительнее, взять инициативу, привлечь внимание юноши, она добилась бы того же самого безо всяких заговоров! – решительно заявила студентка.

– Раз уж мы заговорили о чародействе, внученька, – чуть наклонилась вперед ведьма в зеркале, – то запомни три главных правила: во-первых, люди приходят к тебе за помощью, а не за наставительными лекциями. Ведьма ничего и никому не должна объяснять или заниматься заумными рассуждениями. Она обязана сделать так, чтобы проситель получил желаемое. Не нужно рассказывать смертному о том, как, почему и какие деяния ему надобно совершить. Просто составляй заговор таким образом, чтобы эти поступки случились

сами собой. Во-вторых, внученька, запомни, что человек – это не стиральная машина и не телевизор, а заклинание не выключатель, чтобы менять в смертном разные режимы работы. Даже самое могущественное заклятие – это всего лишь гирька, которую ты добавляешь на нужную чашу весов. Перевесит она сложившуюся судьбу али нет, не токмо от твоих чар зависит. Коли хозяйка умна, деловита и красива, то малого перышка для избавления ее от любой беды достаточно. А коли готовить не умеет, белье грязное месяцами не меняет, в рваном тряпье дома ходит да волосы не вычесывает, то никакое заклятие мужа возле нее не удержит. И пусть даже ты цепями ржавыми закуешь и от измены страшными порчами отвориши, ан все равно мужик если не к другой бабе, так в монастырь удерет али в моряки запишется, лишь бы домой в грязюку и вонь не возврататься!

– Ты так все рассказываешь, бабушка, словно я к тебе в ученицы прошусь, – подошла вплотную к зеркалу девушка. – Но мне это не нужно. Всей этой чертовщиной я заниматься не хочу!

– И наконец, третье, самое важное правило, – невозможно продолжило отражение. – Ты должна любить тех, кому оказываешь помощь. Колдун не может просить платы за свое чародейство. Ведьма, взявшая деньги за свое ремесло, навсегда потеряет силу!

– Да неужели?! – округлились глаза Светланы. – Ты ничего не брала за сотворенную магию? За все эти привороты,

ворожбу и заговоры?

– Наверное, ты не расслышала, внученька, – вздохнула ведьма. – Помочь можно только тем, кого ты любишь. Тем, к кому твоя душа раскрылась, к кому ты испытываешь симпатию. Разве можно просить плату у тех, кого ты любишь? Никогда и ни за что! Чародею всегда хватит простого искреннего «спасибо»! И если я принимала от таких людей подарки, то только потому, что не желала обидеть их отказом. Это вовсе не плата! Подарки приятны сами по себе. Для колдовства они значения не имеют. Ведьма способна помогать тем, кто вызывает у нее симпатию, но ни за какие деньги не станет спасать тех, кто ей противен. Ибо колдовство за плату невозможно. Оно ломает чародея. Сиречь карается утерей магического дара.

– Какая мне разница, бабушка? – отступила от зеркала Света. – Я все равно не стану этим заниматься.

– Станешь, мой драгоценный лучик, станешь, – улыбнулась многоопытная ведьма. – Это твоя судьба.

– И как ты меня заставишь, бабушка? – зевнула Светлана и села на край кровати. – Станешь являться в ночных кошмарах и угрожать ступой и метлой?

– Я? При чем тут я? – пожала плечами старушка. – Просто однажды тебе в плечо уткнется плачущая навзрыд подружка, которую бросил ее парень, станет жаловаться на жизнь и пообещает наложить на себя руки. И тогда ты вдруг вспомнишь, что вполне способна сей девице помочь, вернуть по-

дружке ее потерянное счастье. Что ты знаешь все нужные для этого заклинания.

– Я ничего не знаю, бабушка!

– Я тебя научу.

– Не хочу, бабушка... – широко зевнула Света.

– А превращать лошадей в снегирей или черепки в золото хочешь?

Эти слова заставили девушку подавить зевок и приподняться. Глаза сверкнули любопытством:

– А это действительно возможно?

– Создавать дворцы взмахом руки, обращать молоко в воду, заглядывать в будущее и прошлое, ходить сквозь пространство и время, исцелять и губить, привораживать и лишать чувства? – уточнила старушка. – Конечно, можно! Ведь ты, внученька, есть урожденная ведьма. Тебе подвластно все!

Городская ведьма

– Света, Света, Све-ета-а!!!

Громкий окрик заставил вышедшую из аудитории студентку обернуться. Одета в толстовку и джинсы худосочная девица, с тонкими рыжими кудрями, больше похожими на густой пух, налипший вокруг головы, протолкнулась сквозь человеческий поток, встала напротив нее и полупшепотом напомнила:

– Света, ты сказала, что сразу после полнолуния все будет готово...

Светлана вздохнула, взяла рыжую девушку за руку, отвела немного в сторону и открыла портфель. Достала аптекарский флакончик темного стекла, протянула просительнице:

– Держи, Настюха. Наговорила я тебе приворотное зелье. Или, точнее, настояла. Волосы твои и твоего хахаля с наговором на вечные узы связала, под ракитой испепелила, в воде ключевой развела и на полнолунный свет вчера нашептала. Теперь тебе от него до конца жизни уже не отделаться. Любить станет крепко и никогда не забудет. Были бы вы жена-ты, я могла бы на обручальное кольцо заклятие наложить на мужскую немошь. Ну, чтобы не изменял... Но без свадьбы сии чары не действуют. Могу сделать только приворот.

– Светка, милая! Спасибо! – порывисто обняла девушку просительница, после чего жадно сцапала флакончик.

– Всегда пожалуйста, – негромко ответила Светлана, пожав плечами. – Живите долго и счастливо, в покое и радости.

– Спасибо! – Настя скинула с плеча рюкзачок и торопливо запихнула приворотное зелье в боковой кармашек. – Я тебе так благодарна! Никогда не забуду, подруга!

– Стоять... – негромко скомандовала юная ведьма, и совсем уже собравшаяся уходить просительница резко обернулась:

– Светик, ты чего?

– Настюха, ты ведь не спросила, как им пользоваться, – укоризненно покачала головой Светлана.

– Так... В питье, наверное, налить?

Юная ведьма медленно покачала головой из стороны в сторону.

– А как?

– Держи его рядом с постелью. И когда станешь развлекаться со своим молодым человеком, то в момент близости этой вот наговоренной с лунным светом водой нарисуй у него на лбу замкнутый крест. То есть сперва проведи вертикальную линию, потом горизонтальную, а потом круг через концы этого креста. Можно сделать это просто пальцем, он в горлышко пролезет. А остатки зелья вотри ему в грудь. Туда, где сердце, и вокруг. Там всего половина пузырька, аккуратно на один раз. При этом говори, что ты его любишь, что ты принадлежишь только ему и что вы всегда будете вместе. Текст произвольный, главное – смысл. Но упоминание про

любовь и про «вместе навсегда» обязательно. Когда приворотное зелье впитается в кожу твоего суженого, он станет любить тебя вечно.

– Прямо во время «этого дела»? – слегка опешила просительница. – Как же я такое и в такой момент сделать-то смогу?!

– Да элементарно! – небрежно пожала плечами Светлана. – Скажи, что хочешь поиграть, завяжи ему глаза, привяжи к постели, оседлай и твори с бедолагой все, что только заблагорассудится. Видимых следов от зелья не останется, это же не повидло. Хотя... – юная ведьма злорадно усмехнулась, – хотя, в принципе, можно и приворотное повидло заговорить, если хочешь. Тут ведь главное – это пепел и лунный свет. А вода принимает действующую основу, водка или сметана, это уже вопрос второстепенный.

– Но мы... Мы еще никогда ничем таким не занимались... – неуверенно ответила Настя.

– Вот и займись, – посоветовала ведьма. – Поиграй с ним так, чтобы он потом сам повторения попросил. Авось на будущее пригодится.

– Озерина! Светлана! – от дверей аудитории студентку неожиданно позвала женщина. – Чем вы там занимаетесь?!

– Фармакологией, Анна Сергеевна! – громко и весело отозвалась девушка. – Препаратами с высокой степенью разведения!

– Иди-ка сюда, гомеопатка.

– Иду, Анна Сергеевна! – Юная ведьма подхватила портфель и подмигнула собеседнице: – Удачи, подруга!

Начиная с четвертого курса фармакологию у Светланы Озериной вела профессор Губина Анна Сергеевна – женщина сорока лет на вид, чуть полноватая и плечистая, с гордым орлиным профилем, навевающим воспоминания о великих индейских вождях из старых американских вестернов. Волосы дама предпочитала красить в темно-красный цвет, называть который рыжим можно было лишь с очень большой натяжкой. Но о вкусах, как известно, не спорят. Если женщина хотела спрятать первую седину под подобной лавиной хны – значит, таков ее выбор. Анна Сергеевна всегда носила деловой костюм: синюю блузку, коричневый пиджак и узкую юбку ниже колен. Покрой ее костюмов иногда менялся, но цвет – никогда. Был не просто классикой, а самой настоящей константой.

Преподавательница пропустила студентку в опустевшую аудиторию и закрыла дверь на ключ. Спросила:

– И что за бутылку ты передала той девушке, Озерина?

– Разве это бутылка, Анна Сергеевна? – пожала плечами студентка. – Так, флакончик граммов на двадцать.

– Хорошо, Озерина. Что это был за флакончик?

– Маленькая домашняя работа, Анна Сергеевна, – осторожно ответила девушка, перехватывая портфель перед собой двумя руками. – Ничего незаконного. Водный экстракт на минеральной основе для наружного применения.

– Уже используешь мои уроки в практической плоскости? – Профессорша прошла через всю аудиторию и остановилась у окна. – И каков результат?

– Ни одной рекламации, Анна Сергеевна!

– Это радует, Светлана, – кивнула преподавательница и оперлась ладонями на подоконник. – Значит, ты училась не зря.

– Спасибо, – кивнула девушка.

– А еще весь институт шепчется, что ты занимаешься колдовством, – совсем тихо продолжила Губина и в конце фразы вдруг закашлялась.

– Да какое там колдовство, Анна Сергеевна? – небрежно пожалала плечами Света. – Так... Семейная психотерапия.

– Вот как? – покосилась на нее женщина. – И что ты посоветовала своей рыженькой подружке от семейных невзгод?

– Разнообразить сексуальную жизнь, – улыбнулась юная ведьма. – Если партнер станет получать от нее то, чего не сможет найти в других местах, то желание искать новинки у него быстро иссякнет.

– Но не сразу?

– Есть некоторая надежда, Анна Сергеевна, – осторожно подбирая слова, ответила девушка, – что применение отдельных... настоек... высокой степени разведения... данный процесс несколько ускоряет... Радикально...

– И как давно ты увлекаешься подобной «психотерапией»?

– Да уже... – Света попыталась вспомнить, когда впервые увидела в зеркале отражение своей бабушки, – года два, наверное...

– Успешно?

– Пока без рекламаций, – напомнила юная ведьма.

– Раз уж ты такая опытная специалистка, Озерина... – облизнула губы профессор, – то ты, наверное, способна определить, изменяет муж своей жене или нет?

Светлана посерьезнела, прикусила губу. Подумала. Затем подступила ближе к женщине и тихо спросила:

– Зачем вам это, Анна Сергеевна? Если вы готовы расстаться с мужем, зачем нужна я? Если не хотите, тогда зачем лишнее знание? Коли вдруг вы узнаете про измену своего супруга, вам придется или прощать, что больно и тяжело, либо расставаться. Намного разумнее сделать так, чтобы ничего подобного не случилось в будущем. Считайте, что ничего не было в прошлом, и я помогу защитить грядущее. У меня есть хорошие... способы... обеспечить супружескую верность. Так получится намного легче, Анна Сергеевна...

Преподавательница резко опустила руку в карман, выдернула небольшой пакетик и протянула девушке:

– Я нашла это три дня назад вечером в постели. Он длинный и каштановый. Как ты понимаешь, ни у меня, ни у моего мужа такой выпасть не мог.

Светлана приняла пакетик, посмотрела на просвет, с трудом различив среди пленки единственный тонкий волосок.

– Я хочу знать! – отчеканила Губина. – Я должна знать!

– Простите, Анна Сергеевна, мне бы не хотелось вмешиваться в чужие семейные дела, – девушка протянула пакетик обратно. – Ни к чему хорошему это не приведет.

– А получать зачеты тебе хочется? – холодно поинтересовалась преподавательница.

Девушка опять надолго прикусила губу.

За минувшие два года она научилась очень многому. И заклинаниям, и наведениям порчи, и гаданию, и даже отведению сглаза. Однако о своих занятиях с покойной бабушкой Света предпочитала помалкивать, скрывая новое увлечение даже от родителей. Одно дело – в полушутливом тоне заговорить подружку на удачу, сотворить обряд на красоту или нашептать в лунном свете приворотное зелье. И совсем другое – заниматься откровенно магической ворожбой при собственной профессорше. Светлане совсем не улыбалась возможность прослыть суеверной дурочкой.

– Озерина?! – повысила тон женщина.

Юная ведьма хорошо ощущала переполняющие собеседницу эмоции. Анна Сергеевна испытывала страх, неуверенность, обиду, но больше всего ее разрывала ненависть. Ненависть не к Свете, но гнев искал выхода и легко мог обрушиться всей своей тяжестью на случайную жертву. Дай только повод...

– Мне нужна миска воды, три свечи и сумрак, – негромко сказала девушка. – На солнце ничего разглядеть не получится.

ся. Слишком яркие блики.

Губина задумчиво погладила затылок, цыкнула зубом и кивнула:

– Пойдем! – она направилась к дверям. – Свеча обязательна? Может, обойдемся спиртовкой?

– Можно и спиртовкой, – не стала спорить юная ведьма. – Главное, чтобы свет был живым и неярким.

Вместе они поднялись до верхнего этажа, прошли в тихую и пустую учебную лабораторию – кабинет преподавателя.

– Выбирай все, что нужно, – щелкнув выключателем, предложила женщина. – Я пока достану спиртовки из сейфа. Самое ценное сокровище, черт бы побрал этих алкашей!

Светлана открыла шкаф, извлекла оттуда большую продолговатую кювету, набрала воды из-под крана, благо в лаборатории имелся водопровод, поставила емкость на стол между установками для перегонки, каждая из нескольких колб. Открыла пакетик, вытянула волосок, тихонько на него подула, макнула в воду, подула снова. Профессорша принесла три спиртовки, поставив по сторонам от кюветы. Сняла с фитилей колпачки и зажгла от одной спички. Поняла, что пламя оказалось ниже краев кюветы, взяла три мерных стакана, перевернула, поместила светильники сверху и деловито спросила:

– Что-нибудь еще, волшебница?

– Я не самая опытная колдунья, – осмотрелась девушка. – Но, на мой взгляд, все нормально. Скажите, Анна Сергеевна,

как выглядит ваша спальня? Как ее узнать, если увижу?

Профессорша пару секунд подумала, потом сказала:

– Там ковролин с машинками и дорожками. Сперва мы хотели сделать в этой комнате детскую, но... Но не сложилось. Переделали в спальню. Однако пол перестилать не стали, просто поставили туда кровать. У нее изголовье мягкое, обтянуто гобеленом.

– Хорошо. – Светлана выключила свет, вытянула руку над столом, опустила волосок в пламя ближайшей спиртовки, а когда он скрутился, растерла получившуюся пепельную нить между пальцами. – На море-океане, на острове Буяне, лежит бел-горюч Алатырь-камень. Из-под того камня бьет родник холодный, течет ручей прозрачный, все округ отражающий. Над камнем тем веют ветра быстрые, ветра вездесущие. Ты, вода прозрачная, ты, вода зеркальная, ты, вода текучая, ты затеки, вода, в мою чашу родовую. Ты, ветер быстрый, ветер вездесущий, отрази в чаше моей, с кем дева сия любовью три дня тому занималась... – Светлана развела пальцы и тихонько сдула пепел в пластиковую мисочку.

Вода на миг подернулась серой пленкой, но почти сразу очистилась, и юная ведьма увидела под кюветой, словно через небольшое окошко, тяжело дышащую девушку с длинными темными волосами, распущенными, разметанными по подушкам. Закрытые глаза, приоткрытый рот, мерные движения в такт толчкам потного и явно молодого человека с гладкой светлой кожей.

– У него короткая стрижка... – прошептала ведьма. – Волосы соломенного цвета... Две крупные родинки чуть ниже поясицы... Светлое пятно на левой лопатке... – мужчина в отражении чуть повернул голову, и Света торопливо добавила: – У него шрам на левом виске.

– Шрам?! Какой?! – встрепенулась женщина.

– От уголка глаза назад и вверх.

– Чертов паршивец!!! – вскинула сжатые кулаки Анна Сергеевна. – В моей постели! То есть в нашей... Я его убью!

– Мне очень жаль... – Ведьма взбаламутила воду, дабы больше не подглядывать за чужой близостью.

– Сегодня же заберу у него ключи и спущу с лестницы! – пообещала женщина. – И больше никакой помощи! Маленький шкодливый крысеныш! Господи, как же хорошо! Какое облегчение! – Она дважды широко перекрестилась, после чего неожиданно крепко обняла Светлану: – Спасибо тебе, милая! Спасибо, родная! Какой же камень ты сняла с моей души! Я знала! Я была уверена, что Костя никогда в жизни мне не изменит!

– Э-э-э-э... – растерялась юная ведьма. – Не изменял?

Профессорша чуть отстранилась, посмотрела на нее искоса, слегка прищурилась. Спросила:

– Шрам вот здесь, от уголка глаза наверх? – Она провела пальцем по виску. – Это мой племянник, паршивец этакий! У нас очень хорошие отношения, у него есть ключ, он приглядывает за квартирой, когда мы уезжаем. А он, оказыва-

ется, пока мы на работе, девок в нашу постель укладывает! Проклятье, у меня даже руки трясутся! – Преподавательница растопырила перед собой ладони. – Черт, мне нужно лекарство! Где моя заначка?

Она присела, открыла дверцу письменного стола, достала из кармана ключ, вставила в скважину верхнего ящика, повернула:

– Больше всего сейчас хочется водки. А дарят мне почему-то одни ликеры. Как ты относишься к сливочному крем-ликеру, Озерина? – Профессорша поставила на стол бутылку, кинула рядом початую коробку конфет. – Подай мензурки. Химики мы с тобой или нет? Настоящие химики пьют только из мензурок!

Женщина открыла бутылку, доверху наполнила два стеклянных цилиндрика на широких основаниях, быстро выпила, налила снова и опять торопливо проглотила. Облегченно перевела дух.

– Ты даже не представляешь, в каком аду я жила последние три дня! – покачала она головой. – Надеялась, верила и при этом носила в кармане волос его любовницы. Целых три дня! И все это завершилось так легко и просто. Муж мне не изменял!

Губина выпила еще раз, достала из коробки и бросила в рот шоколадную конфету. Поморщилась:

– Оказывается, она с ромом! Какая гадость... А ты чего сидишь как неприкаянная? Пей, закусывай, не стесняйся. Ты

честно заслужила. Я теперь перед тобой в долгу. Считай, все мои зачеты до конца института ты уже сдала!

– Спасибо, Анна Сергеевна. – Света взяла мензурку, не спеша осушила. Выбрала себе одну из конфет.

Профессорша быстро налила ей еще и бросила опустевшую бутылку в мусорную корзину.

– Будем! – Выпив густой, тягучий ликер, Губина присела на край стола, накрыла лоб ладонью. – Ф-ф-фу-у... Кажется, отпускает. Если честно, Озерина, я не верила, что обойдется. Надеялась, но не верила.

– Я еще удивилась... что ваш супруг так молодо... выглядит... – неуверенно улыбнулась Света.

– В сыновья годится? – рассмеялась Анна Сергеевна и достала из ящика еще одну бутылку. – Ну, я этому «сыночку» хвоста накручу! Выпороть бы его... Да, боюсь, не дастся.

Профессорша открутила пробку, налила. Придвинула студентке коробку с конфетами. С широкой улыбкой спросила:

– Как тебя угораздило стать волшебницей, Озерина? По наследству перешло али самоучка?

– Бабушка у меня деревенской знахаркой была, – приняла мензурку девушка. – Она кое-чему и научила. Я, понятно, никогда не верила. Все же современный человек, образованный, дарвинист-материалист и все такое. Но в итоге все вышло в точности так, как бабушка и предсказала.

Признаваться во всем преподавательнице было легко и

просто. Ведь, в отличие от родителей девушки, Анна Сергеевна не знала, что ее студентка учится у ведьмы, умершей несколько лет назад. Губина явно не собиралась читать нотации, беспокоиться о психическом здоровье Светланы или рассуждать о тяжком будущем суеверной дурочки в мире передовой науки.

– И что за тайное пророчество ты получила, Светлана? – приободрила ее профессорша.

– Это случилось как раз два года назад. Мы болтали с девочками... – Света сделала глоток ликера. – Потом пришла Ирина. Вы ее не знаете, она не из нашего вуза. Э-э-э... В общем, пришла вся заплаканная. Сказала, что ее бросил парень. Об этом мне бабушка и говорила, что рано или поздно такое случится. Что рано или поздно появится знакомая, которой мне захочется помочь. Так и случилось. Я предложила Иришке вернуть ее парня с помощью заговора. Ну, знаете, самого простенького, на рубашку. Берете мужскую рубашку того, кого нужно приворожить... Ношеную, разумеется. Делаете на нее все возможные любовные заклинания, а потом отдаете парню. Он надевает рубашку и тем самым добровольно принимает на себя заклятия... – Светлана отпила еще. – На самом деле я не очень верила, что из этой затеи хоть что-то может получиться. Просто хотела отвлечь Иру, успокоить. Направить ее мысли в другую сторону. Во-от... Получилось и то, и другое. Иришка успокоилась, парень вернулся. И они даже собрались жениться. В общем, я

«попала». Теперь все хотят моих приворотов, еле успеваю отбрыкиваться.

– Зачем же отбрыкиваться? – не поняла Анна Сергеевна.

– Если я стану заниматься колдовством для всех желающих, у меня не останется времени на учебу.

– Да, об этом я как-то не подумала, – признала профессорша. – Но раз уж мне удалось тебя заполучить, то ты не могла бы сотворить для меня еще одно волшебство?

– Какое?

– Да меня муж донимает, уговаривает взять через месяц две недели отдыха. Но зачем, не отвечает. Говорит, для очень важного дела. Я даже стала подозревать, что в любовнице хотел признаться и развод затеять... – В этот раз Анна Сергеевна прихлебнула ликер прямо из горлышка. – Но тут, слава богу, ошиблась. Ты можешь заглянуть туда хоть одним глазком? В будущее? Чего мне там ждать, к чему готовиться?

– Месяц? – переспросила юная ведьма. Взяла кювету, выплеснула воду в раковину, набрала свежей, вернулась к столу. – Опустите ладонь в воду. Поворожим на вас через сорок дней. Аккурат на середину отпуска.

– Хорошо... – Анна Сергеевна сунула ладонь в кювету. – И что дальше?

– Можно убирать, – кивнула Светлана и негромко зашептала про вездесущие ветра и Алатырь-камень. Дунула на воду, провела сверху рукой, наклонилась. – Вижу кресла... Перила, балкон, снаружи волны... Море... Да, это точно море,

Анна Сергеевна. Вы сидите в купальнике и смотрите на него. Рядом с вами явно не племянник. Вижу бокалы с пузырьками. Пены нет. Наверное, минеральная вода. Сбоку большое окно. И в нем тоже отражается море... – Ведьма громко фыркнула. – Предсказываю вам круиз, Анна Сергеевна! И не на речном теплоходике, а на настоящем огромном океанском лайнере. Мои поздравления!

– Круиз вместо развода? Неплохой обмен! – рассмеялась профессорша. – Тогда завтра же пойду уговаривать ректора. Две недели по семейным обстоятельствам вполне можно выбить. Так, Озерина, давай разольем оставшееся и покинем эту гостеприимную комнату. Впервые за последние дни мне хочется вернуться домой. С чистой душой обнять мужа и крепко его поцеловать! Ох, Озерина... – Женщина спрыгнула со стола и крепко обняла свою студентку. – Я теперь навсегда перед тобой в долгу!

* * *

После института Светлана забежала в кофейню и домой вернулась уже в сумерках. Войдя в свою комнату, включать свет она не стала. Прошла на середину комнаты, немного постояла, глядя в окно, а потом повернула голову к закрепленному на стене большому зеркалу:

– Бабушка, мне кажется, сегодня я здорово влипла.

Ее отражение слегка дрогнуло, и за стеклом возникла ста-

рушка в вельветовом платье. Молча подняла взгляд на внучку.

– Я ворожила на нашу профессоршу. И оба раза удачно. Боюсь, теперь она уже никогда от меня не отцепится. Станет смотреть в будущее, просить привороты для подруг, разговоры на супружескую верность для мужа... В общем, все как всегда. Вот только профессорша не подружка, ее не отошьешь, не сошлешься на занятость.

– Это хорошо, внученька, – склонила голову набок старая ведьма. – Значит, она не позволит тебе увиливать от твоего долга. Если эта профессорша начнет в тебя верить, ты получишь от нее немного энергии. А энергия тебе нужна. Ты не сможешь напитать свои заклинания и амулеты силой, если будешь слаба. Если ты продолжишь только расходовать свой дар, ничего не получая взамен, то утратишь свет.

– Какой еще свет, бабушка? – Девушка подошла к зеркалу.

– Когда у смертного есть дар, человек начинает светиться. Мы, посвященные, этот свет легко различаем. Я бы тебе показала, но как? Сама я мертва, а других чародеек нигде окрест нет. Наш с тобою дар – большая редкость.

В этот момент раздался стук в дверь и послышался женский голос:

– Доча, у тебя кто-то есть? Ты с кем-то разговариваешь?

– С ноутбуком, мама! – громко ответила юная ведьма. – Это просто кино!

– А чего в темноте сидишь? – приоткрылась створка.

– Я не сижу, мама! – Светлана передернула плечами, и отражение старушки исчезло. – Я переодеваюсь, чтобы принять душ. Не хочу, чтобы на меня через окно глазели.

– А, ну хорошо... – дверь закрылась.

Девушка вздохнула, стянула через голову платье, расстегнула лифчик, достала из шкафа халат и, накинув его на плечи, отправилась в ванную. Там разделась, встала под горячие струи.

Вделанное в стену зеркало быстро запотело, и когда Светлана протерла его ладонью, то увидела за стеклом лицо своей бабушки.

– Ты должна помогать людям, – сказала старая ведьма. – Когда они тебе благодарны, ты испытываешь прилив сил. Чтобы стать хорошей колдуньей, тебе нужно много энергии. Если будешь полагаться только на себя, то очень быстро истощишься. Разве ты забыла, чему я тебя учила эти годы?

– Я не хочу заниматься колдовством, бабушка! Я хочу быть провизором. Обычным скромным провизором. Хочу ходить на работу, получать зарплату, помогать заболевшим людям...

– Ты сможешь намного лучше помогать больным и увечным, внученька, если используешь свой дар и свою силу.

– Я хочу встретить человека, которого люблю, бабушка, за которого выйду замуж и которому рожу трех крепких счастливых детишек. Спокойная провизорская работа никак не станет мешать моей семейной жизни.

– Твой дар и твоя сила, мой лучик, помогут привязать муженька крепче, нежели обычная аптечная – суета.

– Это будет нечестно, бабушка! – Юная ведьма направила струю из душа на зеркало, но вместо того, чтобы скрыть отражение, она лишь смыла со стекла остатки испарины.

– Кто вспоминает о честности, встретив настоящую любовь? – пожала плечами старушка. – В любви все средства хороши!

– Все это вранье и самовнушение, – неуверенно ответила девушка, выбирая на полке шампунь для душа. – Никакого колдовства не существует.

Старая ведьма только засмеялась в ответ.

– Ты обещала, бабушка, что научишь меня превращать лягушек в принцев, а черепки в золото! – неожиданно припомнила Светлана. – Но за два года ни о чем, кроме приворотов и ворожбы, даже не упомянула!

– А разве тебя кто-нибудь просил сделать ему из жабы принца?

– Я прошу! – рука девушки замерла над дегтярным мылом. – Меня сегодня несколько раз назвали волшебницей. Хочу сотворить настоящее чудо, а не размениваться на пустяки!

– Это очень просто, мой солнечный лучик, – приложила ладонь к стеклу старушка. – Раньше ты не была к этому готова, Светик. Но теперь ты знаешь, кто ты такая и какой силой владеешь.

– Знаю. Ну и что? – Юная ведьма взяла мочалку, намочила и стала ее намыливать.

– Теперь ты понимаешь, на что способна.

– Могу сделать себе десять принцев?

– Да хоть сто! Только тогда они очень маленькими получатся.

Светлана невольно засмеялась и провела мочалкой по телу: по плечам, шее, животу.

– Ты помнишь то желание, каковым вызываешь меня в зеркале, внученька? – спросила старая ведьма. – Это ведь совсем несложно. Ощущаешь тот образ, каковой желаешь увидеть, а потом его творишь. Все то же самое и с такой же легкостью ты можешь сотворить и без стекла. Тебе достаточно только пожелать. Пожелай увидеть меня рядом! Не в зеркале, а возле себя. Прояви такое же пожелание, как призывая мое отражение, но представь мой образ наяву, просто напротив!

– Хорошо... – Отведя от себя мочалку, девушка чуть зажмурилась, помолчала, через несколько мгновений резко выдохнула: – Нет, не получается!

– Ты слишком напрягаешься, мой маленький лучик, – посоветовала старая ведьма. – Вызов должен происходить естественно, легко, как дыхание или взгляд в сторону внезапного звука, как ходьба. Как призыв моего образа в зеркало. Попробуй еще раз!

– Зачем, бабушка? – снова взялась за мочалку Светлана. – Это ведь просто иллюзия. Ты мне даже спинку потерять не

сможешь!

– Ох уж эти дети! – вздохнула старушка. – Токмо о баловстве и думаете! Между тем сие умение способно спасти тебе жизнь!

– Это как? Вызвать тебя на улицу при появлении убийственно красивого парня и спросить совета?

– Сотворить дракона, если на тебя кинется собака. Сотворить двойника, если рядом окажется недовольный муж. Мужики бывают довольно мстительны. Умение отвести от себя глаза или сотворить яркий правдоподобный морок спасло жизнь очень многим ведьмам.

– Ага... Вот именно. Чародеек постоянно кто-то хочет убить. И после этого ты советуешь мне стать колдуньей, а не провизором?

– Это твоя судьба, девочка моя. Хочешь ты этого или нет. Ты родилась ведьмой! Тебе от этого не уйти.

– Ты кое о чем забыла, бабушка. Ты уже научила меня снимать родовое проклятие... – Девушка снова плеснула водой в зеркало, смывая собеседницу, а потом стала ополаскивать с себя мыло.

* * *

Юная ведьма старалась вести себя тихо и незаметно, никак не напоминая о себе профессорше, но это не помогло. Спустя две недели, отпустив студентов с лекции, Анна Сер-

геевна сама нашла ее взглядом среди поднявшихся со своих мест молодых людей и вытянула руку:

– Озерина! Задержись, пожалуйста.

Девушка послушно кивнула и положила портфель на стол.

Преподавательница дождалась, пока остальные слушатели выйдут, поманила Светлану за собой. Вдвоем они поднялись в скромный кабинет на третьем этаже: потрепанный письменный стол, потрескавшийся шкаф, помнящий еще имперское величие, и такой же древний паркет, местами разошедшийся, а местами слегка вспученный. Женщина села в пластиковое кресло на широко растопыренных железных ножках, достала откуда-то снизу коробку конфет, два пластиковых стаканчика, добавила к угощению бутылку ликера. Вопросительно вскинула брови:

– Зачетка с собой?

– Да... – Девушка расстегнула портфель.

– Умница! Давай ее сюда и придвигай стул. – Анна Сергеевна открыла бутылку и наполнила стаканчики. После чего поставила студентке отметку и щелкнула пальцами. – Только вообрази, Света, у нас с Костей юбилей! Мы с ним познакомились двадцать лет назад. Ты представляешь, волшебница, ровно двадцать лет! Я уже успела подзабыть, ведь до свадьбы прошло еще целых три года. А муж, оказывается, помнит! Давай...

Юная ведьма послушно чокнулась с профессоршей, выпила, и женщина продолжила:

– Ты оказалась права. В честь этой даты он подарил мне круиз. Подумать только, в то самое время, когда я подозревала его в измене, он выбирал для меня самый неожиданный подарок! – Ликер снова наполнил стаканчики. – Ты даже не представляешь, как мне повезло. Мой Костя самый лучший на всем белом свете!

– Я рада за вас, Анна Сергеевна! – искренне улыбнулась девушка. – Вам повезло.

– Ну, ты-то, волшебница, наверное, себе вообще настоящего царевича урвала?

– Нет, – покачала головой юная ведьма. – Я пока только ищу.

– Давай тогда выпьем за твою удачу, – предложила профессорша. – За настоящую любовь!

Светлана не стала спорить. Молча проглотила ликер, съела парочку конфет, терпеливо ожидая, когда Анна Сергеевна расскажет о настоящей цели затеянного разговора. Ведь не для того же преподавательница пригласила к себе юную ведьму, чтобы просто похвастаться путевкой и выпить в ее компании...

– Ты действительно умеешь видеть будущее, Озерина, – опять подлила ликера женщина. – Тут не поспоришь. И с девицей не ошиблась, и с круизом.

Юная ведьма промолчала.

– Полагаю, в других... увлечениях... ты тоже... неплохо разбираешься... – осторожно сформулировала Анна Серге-

евна.

– В каких? – не поняла намека Светлана.

– Ты ведь говорила, что того... – пошевелила пальцами правой руки профессорша, – ну, вроде семейного психолога...

– Как семейный психолог я уверена, что у вас с мужем все хорошо, – пригубила ликер девушка.

– Я тоже так думаю, – согласилась преподавательница. – Но после того случая... с волосом... мне вдруг стало страшно. Вот я и подумала... Если мне повезло встретить настоящую волшебницу, почему бы не воспользоваться таким шансом? Ты ведь можешь наколдовать нам вечную любовь и нерушимость брачных уз до конца жизни? – Женщина опять наклонилась, но на этот раз достала уже знакомую юной ведьме кювету и бутылку воды. – Так что, Светлана, сделаешь?

Девушка задумчиво провела ладонью по волосам, вздохнула и решила не спорить. Все равно бесполезно. Профессорша – дама целеустремленная, своего добьется. Вот только сначала будут уговоры, потом угрозы, и их отношения станут заметно хуже.

– То, что вы находитесь в законном браке, это очень хорошо, Анна Сергеевна, – сказала ведьма. – Заговоры на брачные узы намного надежнее и проще, нежели обычные привороты. Вот только вода для этого не нужна. Нужно обручальное кольцо, волос ваш и вашего мужа, а в идеале еще и ва-

ша кровь. Пары капель, вышедших естественным образом, вполне достаточно. Колоть и резать нельзя, насилие и любовь несовместимы. По крайней мере в колдовских ритуалах.

– Оба кольца?

– Одного хватит, – покачала головой Светлана. – Я могу сделать медовый обряд, или зелье на мужскую слабость, или на крепость уз. Или все вместе.

– «Медовый» звучит многообещающе, – улыбнулась преподавательница.

– Он предполагает новый медовый месяц, Анна Сергеевна. – Юная ведьма подняла и пригубила свой стаканчик. – Освящение брака. Я наговорю кольцо на текущую через него воду, дабы течение унесло все недоброе, что накопилось за минувшие годы. Ссоры, разногласия, обиды. И одновременно увяжу новую прочность отношений заклинанием на волосы. Души супругов становятся чище, это обновляет отношения, возрождает чувства.

– Мне нравится! – улыбнулась женщина.

– Однако должна предупредить, что колдовство подействует только в том случае, если вы сами в точности выполните его требования.

– Какие? Я должна зарезать курицу и окропить себя ее кровью? – рассмеялась профессор.

– Нет, Анна Сергеевна. Мы ведь не африканцы, наши обряды не имеют к вуду никакого отношения.

– Тогда что?

– Обновление отношений должно иметь подкрепление, Анна Сергеевна, – пожала плечами юная ведьма. – Во всем. В том числе и во внешности. Прежде чем попросить мужа надеть вам заговоренное кольцо, вам нужно изменить прическу, одежду, макияж. В идеале желательно поменять короткие волосы на длинные. Но поскольку это невозможно, то нужно их хотя бы перекрасить. Почему бы вам не стать жгучей брюнеткой, Анна Сергеевна? И вместо костюма хотя бы месяц поносить свободное цветастое платье. Вам пойдет.

– Да ты шутишь, Света! – Женщина залпом выпила свой ликер. – Ты хоть раз видела в институтах преподавательницу в цыганских нарядах?

– Но мы ведь говорим не о вашем институтском авторитете, Анна Сергеевна, а о крепости вашей семьи, – пожала плечами девушка. – Обряд на обновление уз должна завершать обновленная супруга. И потом... Каждый мужик время от времени засматривается на разгульных и веселых плясунь. Так пусть ваш муж засмотрится на вас, а не на кого-то другого. Сделайте ему свой маленький сюрприз в ответ на его подарок. Позвольте ему заполучить в свои объятия вместо строгой профессорши взбалмошную девчонку. Хотя бы ненадолго. Потом можете отомстить, став властной госпожой в классическом платье. После чего снова стать институтской преподавательницей... иногда позволяющей себе неожиданный внутренний и внешний отпуск. Вам ведь по карману парик и несколько новых костюмов?

Губина откинулась в кресле и надолго задумалась, с прищуром глядя на студентку и прижав к губам тонкий указательный палец. Потом направила его на собеседницу.

– Мы ведь сейчас говорим о колдовстве, Озерина? – склонила она голову набок.

– Удачное колдовство, Анна Сергеевна, складывается на треть из крепкого заговора, на треть из соблюдения обряда и на треть из искреннего желания смертного, – спокойно ответила юная ведьма.

Профессорша хмыкнула, качнулась вперед, долила напиток в стаканы.

– Как это ни странно, но теперь я верю тебе даже больше, нежели до разговора. Давай, посоветуй что-нибудь еще!

– Вы напрасно заподозрили своего мужа в измене. Почему бы вам не искупить свою вину перед ним? Вам станет намного легче.

– Это как?

– Сделайте для него нечто неожиданное. То, чего вы никогда не делали в постели.

– Это тоже колдовство? – вскинула брови профессорша.

– Если делать заговор на мужскую силу, то супруга в постели придется связать и завязать ему глаза. Однако, если вы придумаете что-нибудь сами... – пожала плечами юная ведьма, – это будет интереснее. Вам.

– Какая странная у тебя магия, Озерина!

– Самая обычная, славянская, Анна Сергеевна. Разве вы

не знали, что по древним русским обычаям ради повышения урожая супругам нужно по весне заняться любовью в поле, на свежей борозде? Что для прочности и чистоты своего полотна ткачиха должна отдаться первому встречному, что ради прекращения дождей юношам и девушкам дозволяется внебрачная близость, а для завершения засухи женщинам надлежит вспахать реку совершенно голыми? Или как славянам положено вести себя на праздник Купавы, отчего-то прозванной Иваном?

– Про праздник плодородия я где-то что-то слышала, – признала профессорша, разливая остатки ликера. – А вот про все остальное... Хорошо, однако, что я не ткачиха! В фармакологии все происходит немного иначе. Давай, волшебница! Выпьем за твое мастерство!

– Я ведь еще ничего не сделала, Анна Сергеевна, – покачала головой девушка.

– Как же, ничего! А про племянника мне рассказала? А про путевку? – закинула в рот конфету преподавательница. – Я грешным делом подумала, что ты вообще все это при помощи миски с водой делаешь.

– Нет, это просто ворожба, – кивнула на кювету юная ведьма. – В воду можно посмотреть на будущее, на прошлое. Можно иными землями любоваться... Хотя через телевизор, конечно, проще.

Губина рассмеялась, покрутила в руках стаканчик:

– Да, в наше время все стало намного проще. Телевизоры,

самолеты, компьютеры, телефоны. Даже на моей жизни все изменилось до неузнаваемости. Прежними остаются только люди. Им по-прежнему нужна любовь. Семья и дети. Знание. Делать все это с помощью планшетов и спутников пока еще никто не на-учился.

– Для этого есть способы, проверенные временем, – отозвалась Светлана.

– Признайся, Озерина, ты учишь только те билеты, которые тянешь на экзаменах? – подмигнула студентке профессорша. – Наверное, чертовски удобно заглянуть в будущее и узнать, какие вопросы тебе выпадут?

– Я никогда не заглядываю в свое будущее.

– Да ладно, Озерина! – рассмеялась женщина. – Не бойся, я никому не расскажу!

– Правда, Анна Сергеевна, я никогда...

– Перестань, Светлана! Так я и поверила, чтобы волшебница, умеющая предсказывать будущее другим, не стала пользоваться своим даром в личных целях.

– Нам нельзя, Анна Сергеевна.

– Кому это «вам»?

– Нам, ведьмам, – потерла нос девушка.

– Подожди, сейчас... – Женщина поднялась, потянулась, прошла к шкафу. – Не «на сухую» же нам с тобой болтать? Где-то тут у меня была еще бутылка «Ирландских сливок». Или две... Или пять... Ага, вот они. Ну давай... Давай стакан и давай рассказывай, по каким законам живут волшеб-

ницы и кто эти законы установил.

– Когда я научилась ворожить, бабушка рассказала мне сказку, – послушно подставила стаканчик под вязкую струю Света. – О том, как когда-то давным-давно, в незапамятные времена всеобщего счастья и благоденствия, все люди знали свою судьбу наперед. Как будут жить, кого любить, кого родят, когда умрут. Поэтому у них всегда все было легко и спокойно. А еще в те далекие времена боги гуляли по земле, как простые смертные. И вот однажды шел по тамошней земле всемогущий бог, смотрел по сторонам и вдруг увидел, как какой-то крестьянин рубит топором забор. Изумился всемогущий и спрашивает мужика: «Ты чего делаешь, ненормальный?» Крестьянин и отвечает: «Не видишь, дрова заготавливаю! Жене отнесу, обед сварит». – «Это же твой забор, несчастный! – сказал бог. – Почему ты его ломаешь?» – «А на фиг он мне нужен? – отмахнулся мужик. – До осени здесь ничего не произойдет, а к зиме мы умрем. Мор у нас в деревне случится, половина жителей преставится. Нам теперь ничего не нужно. Скотину можно резать, сено не заготавливать, сараи и заборы в печах палить». Бог, на все это безобразие глядячи, разозлился и возгласил: «А вот хрен вы все у меня помрете! Будете и дальше жить. А знать будущее я вам отныне запрещаю!» Вот с тех самых пор простые смертные своей судьбы больше и не ведают.

Светлана облегченно выдохнула и выпила свой – ликер.

– Отличная история! – Профессорша бухнулась обратно

в кресло, откинувшись на спинку. – Мораль в том, что знание будущего до добра не доведет. Поэтому его лучше не ведать.

Юная ведьма промычала нечто нечленораздельное, раз уж собеседница сказала все за нее, и протянула – стакан.

Девушка не ела с полудня и изрядно устала, а потому примерно треть бутылки сливочного крем-ликера очень быстро добрались до ее разума, закружив студентку и расслабив, подняв настроение и избавив от излишней скромности. И как это обычно бывает, ей захотелось выпить еще. Чтобы на душе стало еще легче и веселее.

Анна Сергеевна, похоже, пребывала в том же состоянии и без сомнений наполнила стаканчик до самых краев – пришлось даже отпить, дабы не расплескалось.

– Есть одна загвоздка, волшебница. Мы заглянули в мое будущее, и не случилось ничего страшного. Мы заглянули в прошлое, и все стало только лучше. Как я понимаю, и ты, и твоя бабушка, и все вы смотрели в воду много-много раз много веков подряд, и мир не рухнул.

– Ведьмы не смотрят в свое будущее. Они смотрят в чужое, – поправила профессора Светлана.

– Тю, ерунда какая! – хмыкнула женщина. – Давай будем считать, что это не ты на себя смотришь, а я! Типа я ворожу по твоей просьбе. Так же как ты ворожила по моей. – Анна Сергеевна открыла приготовленную бутылку с водой и перелила ее в кювету. – Просто заглянуть туда тебе придется самой. Ну же, Озерина! Неужели тебе не любопытно, что слу-

чится с тобой, скажем, через десять лет? Вдруг ты станешь ректором в нашем институте? Или женой миллионера? Или просто мамой двух очаровательных близнецов? Ну же, Светлана! Всего одним глазком...

Профессор подмигнула девушке, поднялась и отошла в сторону, не забыв забрать со стола стаканчик. Приподняла его, приглашая к тосту, и выпила. Достала откуда-то три спиртовки, запалила газовой зажигалкой с длинным носиком. Чуть вскинула брови.

Юная ведьма осушила свой ликер, не ощущая вкуса напитка и замороженно глядя в кювету.

– Всего одним глазком... – тоном змея-искусителя повторила женщина.

– Любопытство сгубило кошку, – поставила пустой стакан рядом с бутылкой Светлана. Прикусила губу, всматриваясь в покрытую мелкой рябью поверхность. А потом решилась и опустила в нее свою руку. – На море-океане, на острове Буяне, стоит бел-горюч Алатырь-камень...

Закончив наговор, юная ведьма вытянула руку из воды, стряхнула капли в сторону, склонилась над кюветой. Замерла... Потом мотнула головой:

– Ничего не понимаю... Чернота...

– Не получается заглянуть? – Профессорша снова потянулась за бутылкой.

– Если бы не получилось, я бы просто таращилась в воду. А я вижу черноту. Через десять лет меня ждет чернота? –

Юная ведьма задумчиво повела подбородком.

– Может быть, окошко в будущее можно как-то закрыть? – отвернула пробку женщина. – И ты просто смотришь в занавеску?

– А если в завтра? – провела ладонью над водой Светлана. – Вот, завтра я все вижу! Завтра придется куда-то поехать на автобусе. А через пять лет? – рука снова скользнула над водой. – Опять чернота! А через месяц? Вот, через месяц все есть. Пицца, квас, ноутбук и Ирина с мужем. А через год... Через год черно... Ничего не понимаю... Чернота... Ничего не вижу... Ничего нет... – внезапно студентку осенила догадка. Догадка простая и ясная, догадка столь понятная, что по спине пополз ледяной холодок, в лицо ударило жаром, а голова от ужаса моментально протрезвела: – Так это я что?.. – Светлана судорожно сглотнула и во весь голос закричала: – Бабушка!!!

Вопль юной ведьмы заставил дрогнуть воздух, и возле шкафа возникла пожилая женщина в длинном платье из коричневого вельвета.

Анна Сергеевна взвизгнула громче девушки и отпрыгнула к стене. Ее глаза округлились, а кожа лица приобрела мертвенно-серый цвет.

– Бабушка! Бабушка, я что, умерла?

– Почему ты так решила, внученька? – Возникший призрак прошел от шкафа до окна.

– Я заглянула в свое будущее, но увидела лишь черноту!

– Зачем же ты это сделала, мой солнечный лучик? Я ведь предупреждала, что ведьмам нельзя ворожить на самих себя!

– Ты что, не слышишь меня, бабушка?! У меня впереди чернота! Я умру?! Ответь мне, бабушка! Через год я буду мертва?

Анна Сергеевна громко сглотнула, пробралась к шкафу, сунула руку за створку, вытянула бутылку ликера, сорвала крышку и стала жадно пить прямо из горла.

– То, что ты видела, милая, это просто опасность, – с некоторой заминкой произнесла старушка. – Ты предупреждена. Значит, сможешь подготовиться и обмануть судьбу.

– Ты сама не веришь в это, бабушка! – покачала головой Светлана. – Если бы я смогла справиться с судьбой, я бы это увидела! Если не вижу, то либо я слишком слаба и неумела для ворожбы, либо бессильна против судьбы.

– Я, наверное, пойду, – неуверенно поставила опустевшую бутылку на стол профессорша.

– Кто это? – повернулась к ней старушка.

– Губина Анна Сергеевна, преподает мне фармакологию. Я немного помогла ей с семейным вопросом. – Света неопределенно повела руками и кивнула: – Знакомьтесь, Анна Сергеевна, это моя покойная бабушка, она преподает мне колдовство.

– Очень приятно, – натужно просипела женщина. – Угощайтесь конфетами, пожалуйста. Не желаете немного вина?

– Я бы не отказалась, милая, но увы... – пожала плеча-

ми старушка. – Я просто морок, порождение внучкиных чар. Кстати, внученька, у тебя прекрасно получилось. Ты наконец-то смогла перешагнуть и этот порог. Тебе мешало только одно: ты не верила в собственные способности. Теперь ты знаешь, что в тебе есть сила и ты способна ею распорядиться.

– Нет... Я, пожалуй, выпью, – осторожно, по стеночке, двинулась к своим запасам женщина.

– Ты научилась ставить морок, Света, – снова повернулась к внучке старая ведьма. – Это большой шаг вперед. Теперь ты способна отводить глаза, способна исчезать по своему желанию или создавать свой образ неподалеку от себя. Это очень удобно, если тебя хотят застрелить или забросать камнями, если на тебя кидается собака или кто-то хочет за тобой подсмотреть. Может статься, с этим мастерством ты и уцелеешь. Ты узнала, что именно тебя убьет?

– Нет, бабушка, – покачала головой девушка. – Я поняла только, что нынешней весной я еще буду жива, а к осени меня не станет.

Старушка развернулась к шкафу, и профессорша испуганно отскочила на несколько шагов назад, торопливо выдохнув:

– Это не я! Мне Озерина помогла, и я ей очень благодарна!

– Это хорошо, – вкрадчиво прошептала призрачная гостья. – Ведьма должна помогать людям. Ведьмы черпают свою силу в людской благодарности. Скажи, женщина, кого еще способна спасти моя внучка? Чтобы уцелеть, ей нужна

сила. Много силы!

– Оставь, бабушка, – покачала головой Светлана. – В наше время никто не верит в колдовство. Москвичи верят только в Интернет, деньги и таблетки для похудения.

– И много семей смогли сохранить эти таблетки, компьютеры или деньги? Приворожить любовь они кому-нибудь помогают?

– Я могу... рассказать о Свете нескольким своим подругам, – сделав глубокий вдох, вдруг произнесла Губина. – Не знаю, насколько это будет полезно для ваших целей. В нашем мире действительно больше принято благодарить деньгами, а не какими-то обрядами. – С этими словами профессорша решительно подошла к шкафу и распахнула дверцу. – Ч-черт!

– Что там, Анна Сергеевна? – вздрогнула девушка.

– У меня к тебе одна просьба, Светлана. Когда будешь общаться с подружками, то намекни, что дарить мне дорогие вина вовсе не обязательно! Иногда хочется выпить просто водки!

– Я подумала, еще что-то случилось...

– Нет, все в порядке, – вытянула из шкафа какую-то бутылку профессорша. – Я вот о чем подумала, Озерина. Учитывая обстоятельства... Может быть, придать тебе силу смогут какие-то препараты? Мы все-таки находимся на кафедре фармакологии. Наша наука занимается как раз тем, что вкалывает людям соединения, каковые сам организм выра-

ботать в нужных объемах не успевает. Адреналин, например, спас уже не одну тысячу жизней.

– Ты умна, женщина, – подошла ближе к ней старшая ведьма. – Жаль, что мы встретились так поздно. Могли бы сотворить много хорошего.

– Я разговариваю с призраком, – прижалась спиной к шкафу преподавательница. – Так что насчет своего ума и рассудка я уже начала сомневаться.

– Попробуйте называть мою бабушку голограммой, Анна Сергеевна, – предложила девушка. – Вам сразу станет легче.

– Ты так думаешь?

– Я занимаюсь этим уже два года, Анна Сергеевна. Если называть магическое исцеление эффектом плацебо, снятие порчи – самовнушением, приворот – психологией, отнятие мужской силы – семейной терапией, родовое проклятие – эффектом материнской судьбы, а призраков – игрой теней, то сразу получается, что никакого колдовства не существует и все это пустое и беспочвенное суеверие.

– Голограмма? – Профессорша прищурилась, склонила голову набок. Сделала шаг вперед, осторожно провела рукой сквозь призрака. – Ты права, Светлана. Так и вправду легче. Но я, пожалуй, все равно выпью.

– Вы удивительно спокойны, Анна Сергеевна, – признала юная ведьма. – Я после первого разговора с бабушкой несколько месяцев не могла поверить в происходящее. До сих пор иногда сомневаюсь.

– С того самого момента, когда ты первый раз на моих глазах заглянула в воду, я знала, что рано или поздно увижу что-то подобное... невероятное... – вздохнула женщина. – Все ждала, когда начнется. И оказалась права. Так что, адреналин подойдет?

– Нет таблетки, которая способна заменить человеку яблоко, – покачала головой старая ведьма, – как нет обряда, пригодного заместить мужику добрый кусок мяса. Энергия, которую дарует ведьмам людская благодарность, живая. Только она способна наделить колдунью могуществом. Именно поэтому юные чародейки никогда не бывают сильными. Сила приходит в ответ на сотворенное добро. И потому великими кудесницами становятся только дряхлые старушки, успевшие накопить за долгий век многие сотни поклонников.

– Тогда отдай девочке свою силу!

– Ты опять забыла, смертная. Меня не существует. Я скончалась уже много лет назад. Ты говоришь с заклинанием. С мудростью давно усопшей колдуньи.

– Ничего я не забыла, – отмахнулась профессорша. – Просто я жду, когда уже проснусь. А пока я тут, у стола, посижу, можно? Очень интересно, что станет происходить дальше...

– Ничего... – прошептала Светлана, и старая ведьма исчезла так же внезапно, как появилась.

– А-а... – растерянно крикнула преподавательница. – Как? Где? Озерина, это ты?

– Я, – пожала плечами девушка.

– Но почему, Озерина? Ведь бабушка хотела тебе помочь!

– Это не бабушка, Анна Сергеевна, – уныло покачала головой студентка. – Это просто морок. Образ из моей памяти...

Девушка вытянула руку, нахмурилась, и воздух дрогнул, сгустился, возле стола появилось еще одно кресло, в котором сидела женщина лет сорока с короткими волосами медного цвета, в синей блузке и коричневом деловом костюме. В руках новая гостья держала бутылку вина и хрустальный бокал для шампанского.

– Бабушка права, это совсем несложно, – чуть скривилась студентка. – Достаточно поверить в себя. Осознать свою способность рисовать предметы в воздухе.

– Только не это, Озерина! – взмолилась профессорша. – У меня и так уже ум за разум заходит!

Юная ведьма тряхнула рукой – и «голограмма» рассеялась.

– Слава богу, – перекрестилась бутылкой женщина. – Для одного дня чудес вполне достаточно. – Она глубоко вдохнула, выдохнула и спросила: – Так что мы станем делать, Озерина? Может, есть смысл позвать твою бабушку обратно и спросить ее совета?

– Я знаю, что она посоветует, – отмахнулась Светлана. – Создать сторожевые амулеты, обереги от всякого зла и защитные руны. Но все это требует живой энергии, которой у

меня почти нет. Сперва мне нужно узнать, каким образом и почему я умру. А потом использовать колдовство, способное спасти именно от этой опасности.

– Но все равно... Вот так... – развела руками профессорша. – Испарить свою родственницу...

– Я ее не «испаряла», я просто перестала поддерживать ее морок, – покачала головой девушка, подходя к столу. – Мне нужно сосредоточиться на ворожбе. Я должна узнать, кто или что меня убьет!

Юная ведьма провела ладонью над кюветой и наклонилась к воде. Провела еще раз. Потом еще, еще...

Хозяйка кабинета подумала, подумала... Но бутылку все же открыла, налила в стаканчики темно-красное вино.

– Ничего не понимаю, – пробормотала Светлана. – Поле, рассвет, никого вокруг... Ни зверей, ни людей. Вид у меня здоровый, не чахоточный. Но вот оно, я жива... А уже через миг вдруг наступает чернота! Метеорит на меня грохнется, что ли?!

Она резко оттолкнула кювету, взяла поднесенный стакан, опрокинула в горло вино, стиснула кулак и крепко прижала его к губам, о чем-то мучительно размышляя.

– Я могу тебе чем-то помочь, Озерина? – осторожно спросила профессор.

– Мне нужна энергия... – пробормотала юная ведьма. – Живая энергия благодарности для наполнения амулетов. Анна Сергеевна, – подняла она свой жалобный взгляд на

преподавательницу. — Я умею исцелять не очень серьезные заболевания. Кровь там остановить, грыжу или зубную боль заговорить, от коликов или бородавок избавить. Могу родовую порчу снять, приворот любовный сделать, мужа в семью вернуть, от измены заговорить... Если у кого-то из знакомых ваших нелады дома, вы им про меня намекните. Помогу с радостью. И на вашего Костю тоже заклятие наложу, не сомневайтесь.

— Нужно подумать, — неуверенно облизнулась женщина. — Помнится, кто-то из подруг жаловался.

— Это хорошо... То есть плохо! — спохватилась девушка. — Но для меня хорошо.

* * *

Темно-синяя легковушка, неторопливо качаясь по проселочной дороге, проехала через небольшой сосновый бор и остановилась на краю обширного зеленого луга, усыпанного множеством разноцветных цветов: лютиками, колокольчиками, васильками. Солнце еще не успело подняться над горизонтом, однако небо уже достаточно посветлело, чтобы обширное поле без труда просматривалось до самого леса, темневшего на другом берегу затаившейся где-то среди зелени реки.

— Ты уверена, что хочешь этого, Света? — спросила курчавая шатенка лет сорока, одетая в свободное цветастое платье

из невесомого ситца.

Девушка, тоже в легком летнем платье, открыла дверцу машины, вышла на траву, глубоко вздохнула и кивнула:

– Да, Анна Сергеевна, пусть это случится здесь. В городе каждый день происходят аварии, взрывается газ, прорывает трубы, встречаются открытые колодцы, из окон выпадают цветочные горшки... В общем, город – не самое лучшее место, чтобы провести в нем самый опасный для жизни день. Но что может случиться здесь? Я здоровая и молодая девушка, я прошла полное медобследование, я сильна и уверена в себе, на мне несколько амулетов, и я готова в любой миг отвести от себя взгляд любого врага. Чего мне тут бояться?

Профессорша промолчала.

– Спасибо вам за все, Анна Сергеевна. – Юная ведьма наклонилась и протянула руку в открытую дверцу, сжала теплой ладонью пальцы женщины. – Пусть в вашей жизни никогда больше не случится ни одной беды...

Минувшие месяцы стали трудным испытанием для преподавательницы и ее студентки. Поначалу Светлана развила лихорадочную деятельность, пытаясь охватить своим умением как можно больше знакомых. Наверное, для преподавателя вуза, внезапно ставшего направо и налево хвалить чародейские способности одной из своих студенток, подобная активность вскоре вышла бы боком... Но, к счастью, юная ведьма категорически не брала денег за свои заговоры, и – к счастью – они реально помогали.

Однако довольно быстро на смену активности пришло отчаяние пополам с апатией, и когда Анна Сергеевна вернулась из круиза по Средиземному морю, Светлана уже замкнулась, ничего не делала, не отвечала на звонки и даже не выходила из дома, забросив институт.

Однако к середине мая девушка все-таки смирилась с неизбежностью и вернулась к жизни. Правда, диплом ее больше не интересовал. Света посвятила свои последние недели поездкам с родителями на дачу, посиделкам с друзьями и даже колдовству, снова взявшись за снятие порчи и родовых проклятий, любовные привороты, укрепление семей и заговаривание грыжи у малышей. Но теперь юная ведьма уже не стремилась накопить как можно больше людской благодарности, а ту, что получала, вложила в единственный амулет, из свернутой в тугую спираль веточки ивового дерева, перевязанной красной льняной нитью и украшенной только небольшим кусочком вороньего крыла. В скромный оберег «ото всякого зла»...

– Это тебе спасибо, Озерина. – Профессорша заглушила мотор. – Ты помогла не только мне. Очень надеюсь, ты чего-то напутала и сегодня не случится ничего страшного. Я подожду тебя, Света. Думаю, спустя пару часов ты вернешься сюда с каким-то простым и ясным объяснением своему видению. И мы спокойно поедem домой.

– Я тоже на это надеюсь, Анна Сергеевна, – кивнула юная ведьма. – Поэтому я сказала родителям, что уезжаю на прак-

тику. Попрощалась как бы не навсегда.

— Правильно. — Женщина вышла из машины, захлопнула дверцу и оперлась на теплый капот. — Не стоит тревожить их раньше времени. Может быть, все обойдется.

— Может быть... — подняла глаза к небу Светлана. — Однако уже настало утро. Простите, Анна Сергеевна, но мне пора. Девушка глубоко вздохнула, повернулась к рассвету и, опустив вниз ладони, пошла через цветущее поле, влажное от утренней росы. Солнце оторвалось от горизонта, на луг потекло нежное, наполненное светом тепло. Юная ведьма вскинула лицо, подставляя его ослепительному светилу, и развела руки, шагая навстречу рассвету.

Целое море влажной, благоухающей зелени и цветов, синева над головой, тишина и солнце, покой и благостность везде вокруг, насколько хватало глаз.

Что может угрожать ее жизни посреди этой идиллии?!

Среди чистой, звенящей вышины мелькнула легкая тень, и Светлана поднесла ладонь к глазам, прикрывая от бьющего навстречу ослепительного света.

— Хищник? — удивленно пробормотала она. — Так вот почему на поле так тихо... Все попрятались!

Огромная птица легла на крыло, резко скользнула вниз, стремительно вырастая в размерах.

— Да ты, никак, на меня нацелился? — усмехнулась девушка. — Я для тебя не слишком крупная добыча, красавчик? Тем не менее хищник пикировал прямо на Светлану.

– Подожди... – внезапно осенило юную ведьму. – Почему я не помню тебя в воде, кречет?!

В ее душе дрогнуло тревожное предчувствие, но птица была уже совсем рядом, и ее взгляд ощутимо, словно нечто материальное, вонзился в зрачки Светланы. Голова девушки чуть качнулась назад, сознание помутилось, и она ощутила, как от предательской слабости подгибаются ноги...

Настоящая жизнь

Запах сена и смолы. Голоса и шаги. Отдаленное мычание и шелест ветра.

Светлана приоткрыла глаза, повела носом, неуверенно поднялась, старательно ощупывая пальцами шершавые бревна, выглянула в окно. Прижалась щекой к стене – и не смогла сдержать глупой блаженной улыбки: она была жива!

Жива! Жива! Жива!

Она была жива!

Девушка тихо засмеялась, с наслаждением вдыхая воздух, ловя руками солнечные пятна, внимая шумам и голосам, втягивая носом странные, незнакомые запахи.

Молодые люди, оказавшиеся рядом с нею, о чем-то спорили, удивлялись, утверждали, что мир вокруг – неправильный, ненастоящий, что он относится к далекому прошлому, но Светлане было все равно. Лучше быть живой в девятом веке до нашей эры, нежели мертвой в двадцать первом! И потому она наслаждалась теплом, запахами, звуками – и даже жужжанием одинокой мухи, ощущая себя счастливой, как никогда...

И только истошный женский визг вернул юную ведьму к суровой реальности:

– Я это и так знаю, даун! – Коротко стриженная черноволосая девка, в красном топики и джинсах, с татуировкой в

виде обнимающего нож пламени на левой руке, оттянула ворот своей футболки, заглянула под нее. – Я ведьма! Я умею видеть мертвых, высасывать души живых, вызывать призраков, развеивать демонов и еще целую кучу всякой подобной фигни!

Парень в клетчатой рубашке перевел взгляд на Свету.

– Я умею лечить, снимать порчу, привораживать, убирать обет безбрачия, избавлять от бесплодия, – призналась юная ведьма.

– А ты? – чуть повернул голову паренек.

– Я студент-технолог из машиностроительного, – ответил русский курносый мальчишка.

– А я вообще мальчик-курьер, – широко улыбнулся крупный субъект откровенно уголовного вида.

В молодых людях, собравшихся в маленьком деревянном срубе, было что-то странное, непривычное. Светлана далеко не сразу сообразила, что именно, хотя все лежало на поверхности. Больше того – отличие собравшихся здесь молодых людей от обычных смертных сразу бросалось в глаза. Ведь все они светились! Лучились ясной холодной белизной, словно подсвеченные светодиодным прожектором фарфоровые статуэтки.

– Вы носите гены богов и не могли этого не заметить, – тем временем просвещал их парень в клетчатой рубашке. – Как выяснило в последний век наше братство, геном всемогущего Сварога эффективен только и исключительно в комплек-

те. Однако ген, позволяющий накапливать энергию, рецессивный. Ген, позволяющий ею управлять, уже другой, и тоже рецессивный. Подавлять волю позволяет рецессивный, преобразовывать структуру материи – тоже рецессивный. Ну, и так далее...

Его речь Светлану особо не впечатлила. Она и без того знала, что обладает наследным чародейским талантом. А называть сие геном богов, или ведьминым даром, – это всего лишь игра слов.

Девушка снова выглянула в окно, за которым на маленьком дворе, размером от силы в два садовых участка, полтора десятка непривычно одетых людей занимались странным сельским хозяйством. Лоси и жерди, циновки и шкуры, меховые одежды и замшевые платья. Каменные топоры, ножи, скребки. И почти все постройки скреплены между собой ремнями или веревками. Словно этот мир совершенно не ведал о саморезах и шурупвертах...

– Что за хрень?!

Громкий крик заставил юную ведьму оглянуться.

В комнатке парень, который походил на уголовника, отчаянно стучал кулаками по бревнам и злобно ругался:

– Вот гаденыш! Сбежал!

Он повернулся к девушкам:

– Вы же вроде как ведьмы, милашки? Так давайте, доставайте свою магию! Открывайте дорогу!

– Я больше с мертвецами привыкла... – неуверенно по-

жала плечами коротко стриженная девушка.

— Можно попробовать снять колдовство, словно порчу, — задумчиво пробормотала Светлана. — Заговор отчитки вроде любые чары одинаково разрушает.

— Тогда вперед! — посторонился парень.

— Сейчас... Нужно немного сосредоточиться... — Юная ведьма пригладила волосы на макушке и, нашептывая заговор от всякого зла, сделала шаг вперед, поднимая руки. Стена послушно дрогнула, словно растворяясь в горячем мареве, и вместо нее предстала связанная из сосновых жердей дверь.

Створка тут же распахнулась, и в нее заглянул тощий паренек: рыжий, большеглазый и лопоухий, в хорошо скроенном замшевом костюме с бахромой и вышивкой в виде угловатых велесовых рун. Причем незнакомец тоже довольно ярко светился. Опоясывал гостя ремень с золотыми клепками, увешанный ножнами, чехлами и подсумками.

— Рад приветствовать всех вас в наших краях! — Мальчишка с немалым интересом окинул молодых людей взглядом. — Надеюсь, добрались вы сюда в целости и полном здравии? Я есмь Троян, почитаюсь богом пространства и времени. Сиречь, именно я для вас проход чрез века и версты прокладывал. Вижу, сокол Велеса выбрал сварожицей молодых и сильных. Стало быть, все получилось в точности, как было замыслено.

— Если мы в далеком прошлом, Троян, то почему так хо-

рошо понимаем твою речь? – поинтересовалась Света.

– Вы же боги, – недоуменно пожал плечами паренек и посторонился. – Следуйте за мной, сварожичи. Великая Макошь, богиня силы и богатства, храбрый Перун, бог грозы и справедливости, и Квасур-медовик желают узреть желанных потомков!

– Значит, боги? – поежилась девушка. – Кажется, меня только что повысили из ведьм в небожители...

Светлана ощущала себя так, словно стояла на краю трамплина над сверкающим изумрудной водой бассейном, манящим своей глубиной и прохладой, ужасом и восторгом полета, страхом высоты и возможной болью от неловкого прыжка.

Впрочем, бояться поздно. Прыжок уже свершился! Она умерла... Умерла, чтобы стать той, кого называют богиней. Теперь главное – не ошибиться. Войти в глубокую воду этой реальности без брызг, ровно и аккуратно. Потому что неправильно упавшего ныряльщика грубое приводнение нередко калечит или вовсе убивает.

– Рада познакомиться с тобою, бог Троян, – приветливо кивнула пареньку девушка. – Показывай дорогу!

Вслед за юным провожатым Света вышла из сруба, добралась по узкому помосту вдоль стены до приставной лестницы, спустилась на засыпанный камышовыми листьями и кисточками двор, с интересом поглядывая на занятых своими делами селян.

Никто из женщин, плетущих циновки или скобящих шкуры, равно как никто из мужчин, разгружающих лосей или отесывающих жерди каменными пластинами, никто из бегающих с корзинками и осокой детей белого света не излучал. Видимо, даже в этом мире подобный «энергетический» дар доставался далеко не всем.

Троян резко остановился – отвлекшаяся Светлана едва не врезалась мальчишке в спину.

Пришельцы из двадцать первого века оказались перед крытым крыльцом, ведущим к двери на уровне второго этажа. На ступенях, созерцая гостей сверху, стояли двое богов, сияющих ярче, чем прожектора. Крупная статная женщина в замшевом платье, отделанном золотыми пластинами, расшитом жемчугом, с полосами собольего меха на плечах и в некоем подобии короны, венчающей волосы, и кряжистый рыжебородый мужчина лет сорока на вид, в кожаных, никак не украшенных одеждах, но с топориком за поясом.

– Наши гости приветствуют тебя, великая Макошь! – почтительно поклонился Троян.

Юная ведьма последовала его примеру, слегка отвернулась и чуть опустила голову, дабы не привлекать внимания. Изображая скромность, она искоса осмотрела здешних хозяев, сразу отметив для себя нашитые на одежду руны, заговоренный браслет женщины, амулет на шее мужчины, обережное плетение на плече бородача и в петле на рукояти топорика. Похоже, талисманам в этом мире уделяли очень серьез-

ное внимание. Украшения здешние обитатели носили золотые, ярких драгоценных камней для них не жалели. Рубины, изумруды, сапфиры сверкали и в височных кольцах Макоши, и на пластинках ее платья, и на поясе, а у бородача – на ножнах и сумке.

В том, что это были не стекляшки, Светлана ничуть не сомневалась. По ее прикидкам, до стекла в этом мире еще не додумались. Во всяком случае, иной посуды, кроме глиняных горшков и деревянных мисок, девушке на глаза еще не попало.

Возникший между хозяевами и гостями разговор юная ведьма пропускала мимо ушей, пока вдруг не поняла, что он перешел на высокие тона. Не позволяя недовольству перерасти в ссору, Света поспешила положить ладонь на плечо расшумевшейся спутницы.

– Не сердись, великая богиня, – кивнула она Макоши. – Мы напуганы и не знаем, куда попали. Сделай милость, просвети, чего ты от нас желаешь. И позволь представиться: меня зовут Светлана.

– Какое благонравие... – Женщина смягчилась. – Твой дар прекрасен, дитя света. Ты права, не стану томить вас неизвестностью. В наших землях завелся враг, справиться с которым нам не удастся. Мы надеемся одолеть его с вашей помощью.

– Дайте мне меч и покажите этого несчастного! – встрепенулся парень бандитского вида.

– Он оборотень, дитя, – перевела взгляд на него богиня.

– Тогда с вас меч и пиво, – пожал плечами молодой человек.

– Он создал целую армию оборотней!

– Меч, пиво, жратва и комнату, где можно отоспаться! – расширил требования бандюган.

– Мне нравится этот парень, сестра! – расхохотался до того молчаливый крепыш, сбежал по ступеням, встал перед гостем. – Отдай его мне! Двери моего дома открыты для тебя, незнакомец. Что скажешь?

– Друзья прозвали меня Одином, друг мой, – ответил парень. – В детстве наречен Викентием, но о такое имечко все всегда язык ломают.

– А когда мы справимся с оборотнями, вы вернете нас домой? – с явной надеждой поинтересовался курносый паренек интеллигентного вида. Тот самый студент из машиностроительного института.

– Вы же боги, вы бессмертны, – опять пожала плечами богиня богатства. – Вам достаточно подождать сто поколений.

– Из огня да в полымя... – пробормотала юная ведьма, всего пару часов назад покорно ожидавшая смерти. – То гибель на мою голову валится, то бессмертие.

– Каждый из вас получит комнату, постель, место за столом, одежду и красивую, ласковую и заботливую жену, – пообещала гостям женщина.

– Значит, парням жены полагаются? А как насчет мужей

для нас? – опять выказала недовольство девица в топике.

– Вы же не захотите принадлежать смертным? – снизошла до ответа великая Макошь. – А найти равного вам и не имеющего супругу бога отнюдь не просто. Мне таковые просто неизвестны... – Она перевела взгляд на Свету и чуть смягчилась: – Увы...

– Ничего страшного, прекрасная богиня, – покачала головой юная ведьма. – Мы не спешим. Ведь у нас впереди вечность.

– Умница... – Женщина провела по ее щеке кончиками пальцев. – Я чувствую, ты тоже принесешь мне удачу.

Макошь резко повернулась, поднялась на крыльцо. Торжественно провозгласила, обернувшись ко двору и вскинув руки:

– Заклятие премудрого Трояна принесло удачу! Мы обрели сильных помощников, наследников корня Сварожьего и его силы! Пусть трепещут наши враги, грядет их смертный час! Мы победим! – Она дождалась радостных криков горожан и понизила тон, обращаясь к гостям: – Я приглашаю всех вас в свои хоромы в Вологде, правнуки славного народа. Следуйте за мной!

Богиня вошла в дверь. За нею находилась просторная комната, застланная сальной, вытертой и изрядно затоптанной кошмой. Шкуры, палки, корзины, пара горшков – ничего особенного, если не считать огромного, в рост человека, черного зеркального овала.

Бородач, волоча за собой Викентия, протиснулся вперед и, словно в дыру, уверенно шагнул в эту темноту, мгновенно в ней исчезнув.

– Квадратуру мне в тангенс... – изумленно пробормотал курносый паренек, подойдя ближе и трогая зеркало. – Это что, портал? Плоскость сингулярности? На ощупь просто камень... Холодный... Интересно, какой тут источник питания?

– Это просто обсидиан, мой мальчик, – ответила ему богиня. – Кстати, ты единственный, кто так и не назвал своего имени.

– Матвей, великая Макошь, – повернулся к ней юноша.

– Я запомню, – кивнула женщина и толкнула его в грудь.

Матвей что-то неразборчиво вякнул и провалился в черноту овала.

– Иди сюда, дитя, – поманила Свету богиня. – Дай руку. Держись ближе, зеркало отсекает все, что оказалось слишком далеко от путника.

Девушка внезапно ощутила, как теряет равновесие, и помимо своей воли ухнулась прямо в камень. В последний миг перед ударом Светлана зажмурилась, в животе холодно прокрутилось нечто слизкое и противное, и...

Ощувив под ногами твердый пол, юная ведьма приоткрыла глаза, стрельнула взглядом из стороны в сторону. Она попала в маленькую комнатку с дощатым полом и бревенчатыми стенами, но куда более высоким потолком. Вполне

уютную, очень похожую на новую баню, что недавно построили соседи по даче.

– Идем, идем! – поторопила ее здешняя богиня. Гостья заспешила вслед за Макошью, миновала одну за другой две двери и оказалась в просторном зале с большими, забранными слюдой окнами, белым дощатым полом и большущим креслом на некотором возвышении.

Пока Светлана осматривалась, сюда подтянулись остальные молодые люди, и хозяйка дворца объявила:

– Я велела накрыть для вас стол, дорогие гости! Пока кушаете, вострухи приготовят вам опочивальни... – женщина прошла вперед, указала рукой вправо, и там распахнулась створка двери.

Светлана вместе со всеми прошла в просторную горницу со стенами из струганых бревен, дощатым полом и широко распахнутым окном. Там, снаружи, синело небо, шелестели березовые кроны, пели птицы, журчала вода близкой реки. А по эту сторону твердо стоял на толстых ножках стол с самым разными лакомствами в деревянных мисках: соленые грибы, моченые яблоки, квашеная капуста, горячее мясо, тушки целиком запеченной речной рыбы.

– Налетай, подешевело! – обрадовался Викентий по прозвищу Один. – Не надейтесь, официанты не появятся!

Он прямо руками взял из кучки на подносе сочный шматок мяса, впился в него зубами. Матвей придвинул к себе рыбу, девушка в топике потянулась к кувшину.

Света предпочла взять просто яблоко, продолжая прислушиваться и приниматься к незнакомому миру, ставшему для нее посмертным. При внешней бревенчатой обыденности комната была полна странных шепотков и светлых струек, похожих на сигаретный дым, в ней чудилась мягкость, а распахнутое окно смотрело наружу как бы через стекло...

Однако спутники юной ведьмы этого словно не замечали, слишком занятые едой и спорами. Валентина и Матвей очень хотели вернуться домой, в будущее. Викентий, будучи бандитом не только внешне, но и в душе, придерживался прямо противоположного мнения. Ему явственно хотелось убивать и грабить. Светлана даже собралась переспросить: а кем он был в двадцать первом веке? Однако дверь внезапно распахнулась, и внутрь заглянул совершенно седой мужчина, белобородый, в кожаной кирасе и серых шерстяных шароварах, заправленных в сапоги с широкими голенищами.

– Это вы, что ли, молодые боги? – обвел он взглядом пирующую компанию. – Оборотни осадили Сарвож!

– Погнали! – обрадовался бандюган. – Ребята, пошли! Сейчас повеселимся!

Пришельцы из будущего послушались, отправившись за мужчиной, и вскоре вернулись к зеркалу из черного полированного стекла.

– Дружище, прости, я забыл представиться, – вышел вперед Викентий. – Меня зовут Один.

– Я Похвист, хозяин ветров. – Мужчина, приложив ладонь

к груди, резко кивнул.

– И еще я забыл сказать, что мы не умеем пользоваться этим порталом, – указал на зеркало гость Макоши.

– Чего тут сложного? – пожал плечами седобородый бог. – Представляете себе место, где нужно очутиться по ту сторону, и входите в зеркало.

– Но мы не знаем, куда должны попасть!

– Да, – после короткого колебания согласился Похвист, – о сем я не помыслил. Подходите сюда...

И мужчина, с полной бесцеремонностью хватая молодых людей за талию, одного за другим отправил их в зеркало.

За черным полированным овалом Светлана прокатилась по набитому сеном тюфяку, сплетенному из каких-то травянистых волокон, поднялась на ноги и торопливо отступила в сторону, освобождая место следующему путешественнику.

Сложенное из толстых бревен помещение размером примерно семь на семь метров, без единого окна и в два человеческих роста, высотой больше всего походило на кладовку: возле стен стояли высокие кули, сплетенные из ивовой лозы, в углах в несколько рядов громоздились мешки из лыка, под потолком висели пучки шкур и каких-то трав, целые охапки вяленой рыбы и еще что-то непонятного назначения, смахивающее на мочалки. Запах здесь стоял соответствующий: пряных трав, солений и маринадов и еще почему-то жареной печени.

Юная ведьма поспешила выйти на свежий воздух и ока-

залась в уютном дворике, тесном от жердяных сарайчиков, навесов и охапок камыша, груд пересохшей крапивы и свежей лозы.

– Сюда, великая! – громко позвал пожилой крестьянин в замасленной длинной куртке из замши и в беличьих штанах, сшитых с сапогами в одно целое. Старика с редкой седой бороденкой опоясывал черный ремень, оттянутый на левую сторону большой и явно тяжелой поясной сумкой, а справа висели сразу трое ножен разной длины и похожий на утиную голову топор, выточенный из черного гранита. – Здесь подниматься надобно!

Девушка благодарно кивнула и по приставной лестнице поднялась на крышу дома... Если, конечно, можно было так назвать ровный широкий настил из глины, выложенный дерном и огороженный с внешней стороны высоким, по грудь, частоколом.

Сверху открылся прекрасный вид на все четыре стороны. Почти к самым краям дома-стены стекались две спокойные медлительные реки, каждая шагов двадцати шириной. Обе – с обрывистыми берегами, высотой примерно в пару метров. По ту сторону рек колыхался на ветру густой березняк, местами разбавленный ивой и ольхой. Ольховая роща начиналась и перед крепостью, примерно в сотне шагов, за длинными грядами с капустой, свеклой и морковью.

– Оборотни прячутся вон там, – указал в сторону ольховника один из местных воинов, плечистый и чернобородый, –

по сторонам от лосиной тропы. Не знаю даже, уцелело наше стадо или нет.

Юная ведьма, прищурившись, старательно всмотрелась в заросли, но ей ничего разглядеть не удалось. Однако Викентия это не остановило. Уже через минуту буйный искатель приключений прыгнул наружу прямо со стены и с отчаянным воплем:

– Во славу Одина!!! – чесанул через грядки к лесу.

Светлана отвернулась, протиснулась между столпившимися мужчинами и женщинами, спустилась по лестнице во двор, медленно пошла по засыпанному соломой и камышовыми кисточками двору, крутя головой по сторонам и поглаживая встреченные предметы.

Впервые с момента своей «смерти» она получила некоторую передышку, смогла немного перевести дух и теперь пыталась разобраться в происходящем.

Смерть и бессмертие, боги и вострухи, будущее и прошлое. Все это, обвалившееся на девушку одновременно и сразу, без предупреждения, могло взорвать мозг кому угодно. Светлана же никогда не страдала завышенным самомнением.

Юная ведьма, дабы остаться одной, прошла в самый дальний угол, за которым и сливались воедино две реки, оперлась ладонями в колья тына.

Странно, но эта древняя деревенька Светлану успокаивала. Запахи, строения, обстановка – все вокруг словно баю-

кало ее, нежило, будило в душе сладкие детские воспоминания.

Почти такой же деревенский двор был в Озеровке у Светиной бабушки, куда будущая ведьма приезжала еще маленькой девочкой. Старая колдунья, понятно, не имела ни машины, ни трактора, ни мотоцикла, ни мотоблока, ни даже бензопилы, и поэтому там никогда не витали запахи масла, бензина и прочих технических гадостей. Все пахло и выглядело в точности так же, как здесь. Крестьянский двор старой валдайской семьи был примерно таким же и по размерам, и по расположению строений, и по обстановке. Такие же навесы для сена, такие же сарайчики для дров, такие же могучие бревна в стенах большого дома... За минувшие три тысячи лет в крестьянской жизни не изменилось практически ничего. Разве только жерди в постройках и загонах крепились здесь не на гвозди, а на лыковые узлы, да забор был сделан из отесанных сосновых столбиков, а не из покрашенного горбыля. Вот и все отличие между древним неолитом и прогрессивной компьютерной эрой.

– Разве что при бабушке с дедом такой двор приходился на одну семью, – уже вслух пробормотала Светлана. – А здесь при хозяйстве человек тридцать, если не больше.

Юная ведьма провела рукой и тихо позвала:

– Бабушка!

Рядом с нею послушно соткался образ пожилой колдуньи. Все в том же вельветовом платье, с седыми волосами, в ко-

торых торчал полуovalный роговой гребень, с морщинками на лице и слабой улыбкой на губах.

– Бабушка, я правда провалилась в прошлое или попала в царство мертвых?

Старушка отерла руки и неопределенно покачала головой.

– Бабушка, где я нахожусь? – снова спросила девушка.

И опять созданный ею морок не подал голоса, крутя головой и оправляя платье.

– Бабушка? – неуверенно пробормотала Светлана. – Ты меня слышишь? Ты меня понимаешь?

Морок опять зашевелился, перешел к тыну, постучал по нему кулаком. Внешне старушка была совершенно неотличима от пожилой колдуньи. Однако созданному Светланой призраку явственно не хватало разума. Или – души.

Но тут со стороны стены послышались громкие крики, треск, топот – и юная ведьма, развеяв призрака взмахом руки, поспешила туда.

– Победа, победа!!! Слава Одину! – судя по воплям, вылазка Викентия закончилась решительным успехом. – Любо могучему богу! Один, Один!

Уверенно растолкав толпу, девушка остановилась возле сидящего на чурбаке Викентия, полуобнаженного, залитого кровью и сплошь покрытого мелкими и широкими ранами, некоторые из них все еще кровоточили. Возле Одина хлопотали три девицы, старательно обтирая героя влажными мочалками, но больше размазывали грязь, нежели ее смывали.

При всем том славянки не забывали, однако, всячески же-манничать перед явившимся во спасение крепости храбрецом.

– Дайте мне, я умею лучше... – Юная ведьма чуть склонила набок голову, потерла ладони одна о другую, тихо предупредила Викентия: – Никогда раньше этим не занималась, нужды не случалось. Но бабуля утверждала, что я должна уметь...

Она провела одной ладонью над широким, обильно сочащимся разрезом, другой скользнула по изрядно израненному боку, мысленно пытаясь излучать на раны свое живое тепло, словно бы выдыхая его из рук. И к ее удивлению, кровотечение почти сразу остановилось. Больше того – мелкие порезы начали затягиваться буквально на глазах.

– Вот и все, – с некоторой растерянностью распрямилась юная ведьма. – Снаружи все запеклось, во внутренних органах ничего опасного не чувствую.

– Это нечестно, Света! – широко и добродушно ухмыльнулся Викентий. – Могла бы одарить вышедшего из сечи воина хотя бы парой лишних минут!

– У тебя и так аншлаг, храбрец. – Девушка, поддавшись его хорошему настроению, тоже улыбнулась, растрепала замусоренные сеном волосы счастливого разбойника. – Обещаю удачу в любви и не стану тебе мешать.

– Твои бы слова да богу в уши!

– Если премудрая Макошь не врет, – наклонилась к его

уху Света, – то бог – это ты самый и есть.

Она отступила, и юные аборигенки, радуясь исчезновению соперницы, тут же окружили могучего воина. А Светлана опять прошлась по двору, с интересом наблюдая за местными жителями.

Горожане вернулись к обыденным делам, прерванным из-за нападения оборотней. Дети со смехом кувыркались в крапивной куче, прыгали на ней, катались с боку на бок. Странно, однако это была важная и полезная работа: истрепанные малышкой крапивные стебли две девочки лет двенадцати выбирали из кучи в толстые пучки, а потом хлестали о жердину со вбитыми в нее острыми палочками, выбивая кусочки пересохших стеблей. Чуть в стороне несколько женщин в кожаных платьях бодро шинковали на закрепленных бок о бок чурбаках какую-то зелень. Коротенькие, в ладонь, коричневые ножи с деревянным рукоятями были сделаны из кремня. Однако работниц это явно не смущало. Острые – и ладно.

Если не знать о существовании блендеров и миксеров, то никакой ущербности от жизни в каменном веке ощутить было бы невозможно.

Возле славянок стояла корзина с потрошенной рыбой. Выбирая из нее влажные тушки, женщины набивали резаную траву им в брюхо, после чего споро и ловко обмазывали глиной и перекладывали на полосы толстой дранки. На другой стороне двора уже знакомый Светлане старик неспешно чи-

нил развешанный прямо на тыне крупноячеистый бредень. Из навеса слева от него молодые ребята в меховых куртках набирали в корзины серые пыльные дрова.

— Однако тут все до единого щеголяют в мехах, замше и коже, — хмыкнула девушка. — Даже малыши в шубах. Прямо завидно!

Завершая обход, она поднялась на опустевшую стену, на которой остались только двое караульных: деревянные щиты примерно метр на метр размером, копья с обсидиановыми наконечниками, палицы с гранитным навершием, широкие пояса, толстые меховые куртки, остроконечные кожаные шапки с длинными наушами. Юная ведьма вдруг вспомнила, что всего несколько часов назад эти воины дрались с оборотнями, не страшась ни боли, ни крови, смотрели в глаза смерти — и от этого осознания у девушки даже холодок пробежал вниз по спине, вынудив Светлану невольно передернуть плечами.

Да, это так. Она попала в мир настоящих мужчин, готовых сражаться и погибать, умеющих защищать свой дом и приносить высшую жертву во имя своих женщин. В мир, где за неправильный выбор платишь собственной жизнью и где можно полагаться только на себя и верных друзей. Мир, где тебе самому тоже нужно быть надежной опорой для поверивших в тебя спутников...

Светлана еще раз поежилась, подошла к краю стены, выглянула наружу.

Внизу, удобно устроившись между грядками, пятеро воинов споро свеживали каменными ножами звериные туши: двух рысей, кабана, крупного оленя и еще несколько крупных зверюг, в полуразделанном виде совершенно неузнаваемых.

– Ну да... – пробормотала девушка. – С мехами и шкурами здесь никаких проблем, похоже, не бывает. Один хороший ужин, и хватит ребенку на шубку.

Подул ветер, снизу пахнуло сладковатым запахом парного молока, и юная ведьма торопливо отвернулась, опустила веки, думая над тем, как вести себя дальше в этой новой, совершенно незнакомой вселенной?

В прежнем мире выстроить планы на жизнь получилось просто. Светлана хотела обрести твердую уверенность в своем будущем – и пошла туда, где уж точно не случится никаких перемен. Люди болели, болеют и будут болеть всегда, и им всегда будут нужны лекарства. А раз так – образованный провизор всегда найдет себе работу. Именно поэтому Света отправилась учиться на фармацевта. Никакого призвания, никаких семейных традиций, никаких особых надежд. Обычное расчетливое решение. Так что, если когда-нибудь эту работу придется бросить ради детей и семьи, девушка знала, что сделает это с легкостью. Пожалуй даже, она надеялась на подобный исход своей профессиональной карьеры.

Теперь все изменилось. Теперь ей требовалось найти новое решение и новую судьбу.

Внезапно Светлана открыла глаза, вытянула руку перед собой.

– Не дрожит, – вслух прошептала она. – Странно, я совершенно спокойна. Утром почти умерла, днем оказалась в девятом веке до нашей эры, вечером на войне с оборотнями. А чувствую себя так, будто смотрю бразильский сериал по телевизору. Наверное, мой мозг все еще не верит в происходящее.

Тем временем на Сарвож опустились сумерки, внизу запылали костры. Светлана, начавшая зябнуть, спустилась вниз, встала возле одного из очагов, греясь в веющем от огня тепле.

Вскоре на ее плечи лег тяжелый, но теплый плащ.

– Ты слишком легко одета, великая, – в самое ухо шепнул мужской голос.

Девушка вздрогнула, оглянулась через плечо, благодарно кивнула:

– Спасибо вам, Похвист... Не знаю отчества.

– Отчество? – нахмурился бог ветров. – Ты о чем?

– Ну, как звали вашего отца?

– Знамо как, великая! – даже обиделся седовласый мужчина. – Все мы сварожичи, наш отец Сварог всемогущий! Нешто ты не ведаешь?!

– Тогда как мне вас звать? – немного растерялась юная ведьма.

– Так нас и зови: сварожичи! Да и не токмо нас, богов,

но и всех славян, весь народ славный, весь корень могучего Сварога!

– Прошу прощения, мы ведь так и не познакомились! – спохватилась девушка. – Меня зовут Светланой, мой отец Иннокентий.

– Надеюсь, он сильный бог, великая Светлана! – кивнул седой воин. – Я же Похвист... Хотя ты ведь меня уже знаешь?

– Да, великий Похвист, – улыбнулась юная ведьма. – Просто я хотела представиться.

Света с облегчением вздохнула, разобравшись с первым вопросом. Похоже, здесь все ко всем обращались на ты и никаких отчеств еще не изобрели.

– Будем знать... – пробормотала она, поправляя на плече меховой плащ. – А сколько таких вопросов-вопросиков еще впереди? Мне срочно нужен учитель!

– Ты что-то молвила, великая Светлана?

– Спрашиваю, как твоя супруга тебя на битву с оборотнями отпускает? Страшно, поди?

– Моя прекрасная Хоря умница, она все понимает, – с теплом в голосе ответил бог ветров. – Коли дорог родной очаг, врага надобно на дальних подступах истреблять, а не у себя дома разор устраивать.

– Это верно, – с грустью согласилась девушка.

В душе Светлана надеялась, что седовласый и седобородый, однако могучий, здоровый, как бык, мужчина ответит,

что жениться еще не успел.

Наивные мечты...

Костры прогорели, славяне принялись разбирать заложенные в них глиняные комья. Седая женщина с поклоном принесла по одному Светлане и ее собеседнику:

– Отведайте нашего угощения, великие, и примите наши молитвы!

– Благодарю тебя, дочь славного народа, – чуть наклонился Похвист.

Света в точности повторила его жест и слова, после чего разломала свое «блюдо». Внутри обнаружился крупный упитанный окунь, пахнущий пряностями и карамелью. На вкус он показался немного сладковатым, однако проголодавшаяся девушка с удовольствием съела все до последней крошки. Сходила к реке, помыла липкие руки. Вернувшись, вместе с потянувшимися в дом славянами вошла в среднюю дверь дома-стены, с наслаждением окунувшись в густое нежное тепло.

В центре просторного помещения, примерно двадцати шагов в длину и десяти в ширину, горел костер, сложенный из четырех довольно толстых бревен, каждое чуть не в полтора охвата. Света они давали не очень много, но зато прогорать должны были, наверное, до самого утра. Вокруг трехметрового в диаметре, обложенного невысокими камнями очага лежала огромная постель из накрытого шкурами лапника – одно-единственное большущее лежбище от стены до

стены, ничем не разгороженное.

Хотя понятно: какой смысл? Если повесить пологи, то в выгородки не попадет свет и тепло от общего огня.

Местные жители уже начали укладываться. Светлана мысленно отметила, что все дети уже посапывали на краю лежанки у дальней стены, окруженные пожилыми матронами. Остальные славяне разбредались как придется, кто куда хотел, без разделения на мужские и женские места.

Юная ведьма не особо удивилась увиденному. Пару лет назад она ездила с родителями в тур по средневековым замкам и запомнила, что вплоть до девятнадцатого века в знатных домах постели полагались только хозяевам и священнику. Все прочие обитатели дворцов спали в таких же вот «людских». Однако Света никак не ожидала, что вскоре сама окажется среди «обычных простолюдинов».

– Однако с семейной жизнью в этом мире наверняка серьезные проблемы, – пробормотала она, пробираясь поближе к поправляющему медвежью шкуру Похвисту. – Надеюсь, ночью ко мне никто приставать не станет. Я ведь все-таки богиня!

Но на всякий случай юная ведьма дождалась, пока повелитель ветров вытянется во весь рост, а потом поспешно легла рядом и нахально прижалась к широкой горячей спине могучего мужчины, почти сразу провалившись в глубокий, как пересоший колодец, сон.

А потом теплая мягкая стена исчезла – и она открыла гла-

за.

Большая славянская семья спала – кто-то всхлипывал во сне, кто-то храпел, кто-то постанывал или ворочался с боку на бок. Бревна в очаге превратились в жаркую угольную кучу по колено высотой. Куча дышала жаром, однако света давала всего чуть-чуть, его еле хватало, чтобы разглядеть спящих поблизости – людей.

Поняв, что повелитель ветров ушел, юная ведьма тоже поднялась. Осторожно перешагивая через теплые тела, Светлана пробралась к выходу, толкнула створку и вздрогнула от ударившего в лицо холода. Вернее, обычной утренней прохлады. Просто после жарко натопленной спальни контраст оказался слишком велик.

Девушка поежилась, потерла ладонями плечи, сделала шаг наружу, закрыла за собой двери. Вскинула кулаки, крепко их сжала, несколько раз взмахнула руками.

Холодок взбодрил, разогнал сон. Возвращаться в «людскую» юной ведьме больше не хотелось. Светлана огляделась, повернула к лестнице, поднялась на стену.

Повелитель ветров стоял здесь, укрытый меховым плащом, и смотрел на медленно светлеющее небо, по которому непривычно быстро проносились мелкие облачка.

– Ты что-нибудь чувствуешь, великая Светлана? – спросил он, не поворачивая головы.

– Что именно, великий Похвист?

– Мне кажется, оборотни ушли, – ответил седовласый

бог. — Я не вижу ни единого дымка. Не слышу голосов, треска веток, не вижу никакой стражи.

— Когда я собираю заговоры, то часто призываю ветра себе в помощь, — ответила юная ведьма. — Они везде летают, все слышат, все видят, все знают. Ты же их хозяин! Разве ты не можешь их спросить?

— Конечно, они все знают, — рассмеялся воин. — Но плохо умеют рассказывать...

Он провел рукой перед собой, словно кого-то гладил, и по зарослям за грядками ударил сильный порыв, обрывая листья, качая деревья, потроша кроны, вздымая мусор из-под корней. Бог склонил голову набок, потом оглянулся на девушку, уверенно кивнув:

— Да, там никого нет... А ты ведь совсем замерзла! — Великий Похвист торопливо сдернул плащ и накинул на плечи девушки. — Твое одеяние придумано явно не для наших земель. Это египетский лен, верно? Токмо у тамошних жителей хватает терпения и лишних нитей, чтобы ткать из них полотно! И токмо у них всегда так жарко, что они не мерзнут в подобном одеянии.

— Это хлопок... — неуверенно ответила девушка.

— И тапочки твои токмо по дому гулять пригодны. — Похвист опустил глаза на сандалии собеседницы. — Надо бы приодеть тебя по-человечески.

— А жена не заревнует, что ты подружек всяких одариваешь?

– Не подумал... – озадаченно почесал в затылке властелин ветров. – Это ведь из ее запасов брать придется. Мои сапоги и охабни тебе не подойдут.

– Лучше не рисковать, – посоветовала Светлана. – К тому же светает. Сейчас солнышко выкатится, и даже в моем платье здесь станет жарко.

– Это верно, – согласился Похвист. – Летнее солнце знойное. Так сокол выкрал тебя из Египта, великая Светлана?

– Нет, из Москвы, – покачала головой девушка.

– О-о, владения медоносного Квасура! – обрадовался сварожич. – И каковой она станет через сто поколений, твоя Москва?

Юная ведьма подумала, потом сосредоточилась и резко развела руками, создав вокруг себя сверкающие стеклом высотки, витрины магазинов, огни реклам, торопливо бегущих людей, мчащиеся автомобили. Морок получился не очень – полупрозрачный, дрожащий, неровный, однако славянский бог все равно изумленно приоткрыл рот.

– Ого... У вас там выросли горы? И вы выдолбили в них пещеры? И как много смертных, они буквально кишат! Сколько же их там?!

– Боюсь, великий Похвист, в одной только моей Москве обитает куда больше людей, нежели на всей здешней земле, от моря и до моря, – смахнула морок девушка.

– Как же вы все там помещаетесь? Как выживаете в такой тесноте?!

– Дело привычки, великий Похвист, – улыбнулась Света.

– Наверное, попав в наш мир, тихий и просторный, вы решили, что оказались в прекрасной сказке? – порадовался за гостей из будущего повелитель ветров.

На это Светлана просто не нашлась что ответить. Поэтому она лишь глубже запахнулась в плащ с пушистым горностаевым воротом.

Над лесом за рекой наконец-то показался край солнца – и со всех сторон радостно запели птицы, взметнулись в воздух стрекозы и бабочки, застрекотали кузнечики. На Древней Руси начинался новый ясный день.

– Так как тебе наш мир, великая Светлана? – Бог ветров попытался настоять на ответе.

– Здесь много чудесного, великий Похвист, – подставила лицо первым лучам юная ведьма. – Например, вы ходите через зеркала, словно через двери. Как это удается?

– Ничего особенного, – пожал плечами седой воин. – Просто представляешь, куда нужно попасть, и идешь. Если уверен, что все правильно, то там и оказываешься. Коли хоть чуток засомневался, то все... – Великий Похвист усмехнулся. – С разбегу лбом о камень расшибешься.

– Неужели у тебя такое бывало? – не поверила собеседнику Света.

– Иной раз заколеблешься, уже шагая, куда лучше направиться, к Макоши на совет, али к Перуну на пирушку?.. Тут тебе «бдзынь» в лоб и приходится, – рассмеялся сварожич. –

В сем деле главное уверенность. И кровь, понятно. Наша с тобою родовая кровь. Смертным ходить через зеркала не по силам.

– А мы, значит, бессмертные... – негромко пробормотала юная ведьма.

– Мы бессмертны, – согласился великий Похвист. – И сильны. Твой друг Один вчера так оборотней потрепал, что продолжения больше уже не хотят. Пожалуй, мы можем возвращаться. Его храбрость и крепкая рука наверняка в других краях прямо сейчас надобны.

Седовласый бог ушел, а Светлана осталась на краю стены, млея в рассветных лучах и обдумывая услышанные советы.

«Уверенность... Главное, это уверенность в своих силах, – повторила себе она. – Знать, куда идешь, и не колебаться, ступая в камень. Все в точности так, как с мороком. У меня ничего не получалось до тех пор, пока я не испугалась до такой степени, что забыла о своем неумении. А потом все стало просто и легко. Главное – сделать в зеркало первый шаг. Поверить, что это возможно. Дальше все станет проще».

Юная ведьма вздохнула и тоже ушла со стены. Полная решимости проверить свои способности, внизу она сосредоточилась, напряглась, толкнула тяжелую створку, уверенно шагнула в дом... И оказалась в спальне.

– Вот черт... – пробормотала Света. – Похоже, я немного промахнулась с дверьми.

– Приветствую тебя, великая! – торопливо поклонилась

ей молодая девочка.

– Хорошего тебе дня, великая, – сложились пополам пожилая матрона.

– И вам удачи во всем, дочери славного народа! – вскинула руку, словно благословляя, юная ведьма. Прошла чуть дальше, к Матвею, который опять мучил смартфон, пытаясь найти мобильную связь. Поздоровалась, бесцельно перекинулась парой слов, развернулась и снова отправилась на воздох. От безделья совершила еще один кружок по крепости.

Жители Сарвожа уже занялись насущными хлопотами и на гостью внимания не обращали. Однако юная ведьма, не желая им мешать, все равно вернулась обратно к длинному дому.

Здесь Похвист, Матвей и переодевшийся в кожаный костюм Викентий успели сцепиться языками, обсуждая железо и зеркала. Да так рьяно, что подошедшую Светлану совершенно не заметили.

– А вот не подеретесь! – громко подначила мужчин Валя, вошедшая в калитку во влажном топике и с мокрыми волосами. Видимо, умывалась в реке после ночи. – А вот слабо в глаз кулаком!

– Драться с богом войны по своей воле никто не согласится! – сурово ответил ей бог ветров. – Все собрались, сварожьи правнуки? Тогда давайте возвертаться!

Он резко распахнул связанную из плотно подогнанных жердей дверь, вошел в бревенчатую стену-дом. Гости из бу-

дущего вслед за ним шагнули в сухую и пыльную кладовку, гуськом пробрались между мешков и корзин к серебряному зеркалу в дальнем углу. Могучий седой воин без всяких предисловий сцапал Валю за талию, качнулся к зеркалу, сунул девушку в овал, откатнулся, сгреб Матвея, почти на полметра оторвав от пола, толкнул в полированное серебро, следом отправил храброго Одина...

– Не нужно, я сама... – остановила его Светлана, нарочно отставшая от остальных, и, не давая себе опомниться, испугаться, усомниться, решительно шагнула в металл, намереваясь ступить на пол в вологодском дворце великой Макоши!

И...

Действительно оказалась там!

Легко и просто, словно порог на балкон переступить!

В этот раз у нее не случилось даже головокружения и подташнивания. Юная ведьма просто прошла в открытую всем славянским богам дверь.

Ничего особенного! Обычайшее колдовство.

– Кречет Велеса не ошибся в тебе, великая, – слегка склонил голову возникший в обсидиановом овале повелитель ветров. – В тебе таится божественный дар и великая сила. И ты из нашего рода, ты потомок Сварога, создателя обитаемого мира и праотца всего нашего славного народа!

– Спасибо тебе, великий Похвист. – Девушка сняла с плеч меховой плащ и вернула его владельцу. – Спасибо за тепло,

заботу и науку. Здоровья тебе и благополучия, и пусть в семье твоей всегда царит совет да любовь! Низкий поклон супруге твоей, прекрасной Хоре.

– Обязательно передам! Полагаю, когда вы с нею познакомитесь, светлая, то зело понравитесь друг другу, – великий Похвист приложил руку к груди и направился к дверям.

– Надеюсь, – кивнула девушка.

Вслед за богом ветров юная ведьма отправилась в тронную залу, к своим товарищам по приключению, но тут вдруг рядом с нею возникла худенькая бабулька, ростом немногим выше колена, одетая в вышитую юбочку и кофту, с двумя седыми косичками на затылке.

– Дозволь в опочивальню проводить, добрая богиня! – прохрипела она.

– Ой, ты кто?! – испуганно взвизгнула от неожиданности Света.

– Воструха сие, – успокоил ее Похвист. – Добрый домашний дух. Коли они вас привечают, я тут более не надобен. Тоже в свой город отправлюсь.

– Света-богиня! – нетерпеливо подергала девушку за юбку маленькая старушка. – Пойдем, дорогу тебе укажу!

– Хорошо, веди! – смирилась девушка.

Старуха тотчас исчезла и тут же возникла снова, но уже в нескольких шагах за тронном. Глаза ее были черными, почти без белков, носик маленький, кожа белая, губы серые... И Светлана вдруг вспомнила емкое определение для всех по-

добных существ, и добрых, и злых: «нежить»!

Воструха довела гостью до сколоченной из полутеса лестницы с широкими ступенями, указала наверх, сгнула. А когда юная ведьма поднялась на пару этажей, возникла в середине коридора, что начинался за верхней ступенькой, указала на дальнюю левую створку:

– Тебе сюда! – и окончательно пропала.

Отведенная Свете комната оказалась размером примерно четыре на четыре метра, с единственным крохотным окном в углу потолка. Зато весь пол застилала кошма, в углу стояла сплетенная из толстой ивовой лозы прямоугольная корзина, рядом с ней возвышалась скамья из полутеса. У стены напротив имелось небольшое возвышение, тоже накрытое кошмой, но с набросанными сверху бараньими шкурами. Светлана подошла к ней, осторожно легла. Постель оказалась мягкой и приятно благоухала полынью. Девушка подползла к краю, приподняла шкуры... Так и есть! Внизу шуршало свежее сено.

– С новосельем, великая богиня, – усмехнулась юная ведьма. – Вот ты и дома!

Попади Светлана сюда еще вчера, подумала бы, что ее гнобят, как никчемную рабыню. Но после ночлега в Сарвоже она уже знала, что собственная спальня в этом мире – невероятная роскошь. Почище личного вертолета в двадцать первом веке. Получается, им всем выдали огромный по здешним понятиям аванс! И теперь наверняка ждут от го-

стей достойной отдачи.

Не ударить бы в грязь лицом...

– Бабушка? – с надеждой на мудрый совет взмахнула рукой ведьма. Однако одного лишь тусклого взгляда возникшего морoka хватило, чтобы тут же развеять иллюзию.

Души в созданном ею образе не имелось...

Девушка прошла от стены к стене. Шесть шагов в одну сторону, шесть шагов в другую. Постель, скамья, корзина. Делать здесь было совершенно нечего. Одно слово – опочивальня. Кроме как спать, более ни на что не годится. Светлана провернулась на пятке, вышла за дверь и побежала по ступенькам вниз. После двух пролетов повернула налево, миновала сумрачный коридор, распахнула тесовую дверь и едва не споткнулась на пороге, увидев множество женщин, нескольких мужчин и десятков вострух. Все они почтительно внимали великой Макоши, восседающей на троне в свободном платье с горностаевой опушкой на плечах и подоле, украшенном множеством золотых колечек от ключиц до пояса.

– Прошу прощения... – поклонилась Светлана, собираясь отступить, однако властительница Вологды жестом пригласила ее войти и продолжила свою речь:

– По времени к причалам нашим вот-вот варяги должны со своею солью добратся. Уговор обычный все знают, набор из пяти иголок за мешок! Начнут мутить солевары, выгоду иную предлагать – даже слушать не думайте! Обманут се-

веряне, навертят, обхитрят, и ищи их опосля средь рек бескрайних! Вода следов не хранит. Горчак! Караульных упреди, дабы с варягов глаз не спускали, покуда здесь бродить станут. Сии менялы безродные, где ограбить неспособны, так хотя бы украсть лишнего нороят. Будь моя воля, вообще бы на берег не пускала. Да уж очень славно они отдыхают после тяжелой дороги. Настойки хмельные пьют без счета, жрут от пуза, платят щедро. Лишняя соль нам завсегда пригодится. Посему гулять и веселиться им, Горчак, не мешай. Но за руками варяжскими следите внимательно, дабы ничего лишнего не прилипло!

– Будет исполнено, великая Макошь, – приложил ладонь к груди один из воинов.

– Ластва, как там дела с амбарами?

– Четыре освобождены и вычищены, великая. – Светлана со своего места не увидела, кто из служанок ответил хозяйке. – Еще один скоро опустеет. Коли нужда возникнет, еще из одного припасы по кладовым и прямо на кухню можно распахать.

– Славно... Карпера, а как твое хозяйство?

– Три ладьи с мехами за два дня прибыло, великая! Ныне переборкой занимаюсь.

– Я тебя сегодня навещу, – пообещала властительница: – Вострухи?

– На левом крыле крыша потекла, у рыжей башни мыши, под верхней кровлей рыба плесневеет, большой сено-

вал преест, кошма в горницах под ним тоже, слюда в пиршественной палате треснула... – наперебой зачастили крохотные старушки.

– Балуйка, слышала? – перевела взгляд влево повелительница Вологды.

– Дабы верхнее сено пересушить, руки нужны, великая Макошь! Хотя бы пять работников! Моим девкам одним не управиться.

– Ласта, сегодня Балуйке помогай, – решила богиня. – Амбары подождут.

– Да, великая.

– И выдели в дальние караулы два пуда солонины.

– Да, великая.

– Это все, сварожичи, – ударила ладонями по подлокотникам богиня. – Ступайте!

Старушки-крохотульки разом провалились сквозь пол; люди направились к дверям, и юная ведьма торопливо посторонилась. Когда обширный зал опустел, великая Макошь поднялась со своего кресла:

– Сказывай, богиня, зачем ты ко мне пришла?

– Я направлялась к зеркалу, великая Макошь, – приложила ладонь к груди девушка. – Я надеялась увидеть в нем свою бабушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.